

18+

Яна Шталь

Чёрный Ангел Серафимы

Яна Шталь

Чёрный Ангел Серафимы

«Издательские решения»

Шталь Я.

Чёрный Ангел Серафимы / Я. Шталь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989469-4

Серафиму с детства называли Ангелочком за ангельскую внешность. Но и в страшном сне она не смогла бы себе представить, какая опасность кроется в этой неземной красоте. Казалось бы, всё в ее жизни складывается вполне благополучно, но ей угрожает неведомая сила, исходящая от страшного человека... Да и человек ли он?..

ISBN 978-5-44-989469-4

© Шталь Я.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чёрный Ангел Серафимы

Яна Шталь

© Яна Шталь, 2020

ISBN 978-5-4498-9469-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ох, голова-то как болит... Сама виновата, не надо было столько коктейлей пробовать. Вчера мы праздновали день рождения Егор Палыча, владельца нашей фирмы под названием «Строймаш», и домой я вернулась часа в четыре утра. Праздник удался, судя по тому, что я три раза роняла ключ от квартиры, пока отпирала дверь. Как вошла, уже не помню, а проснулась после полудня, если честно – ближе к вечеру, на диване в гостиной. Рядом на журнальном столике стояла бутылка воды, а в сторонке скромно лежали на бумажке две белых таблетки, наверное, аспирин. Рядом с таблетками на красной бумажной салфетке лежал небольшой аккуратненький топорик. Наверняка Сонька со своими шуточками. Это что, на тот случай, если таблетки и вода не помогут? Я с наслаждением выпила полбутылки воды, а уж потом заглотала таблетки и запила оставшейся водой. В голове вроде бы перестало стучать и звенеть, осталось только странное гудение и туман, и жизнь снова стала казаться сносной.

– Серафима, – утомленно сказала я, глядя на себя в большое зеркало на противоположной стене, – ты, конечно, красавица, как каждый день говорит тебе твой папа, и время от времени повторяют другие особы мужского пола, появляющиеся в твоей жизни, но тебе уже давно пора иметь мужа и пару-тройку очаровательных детишек. Девушка ты красивая, но, увы, уже не очень молодая, можно сказать, пожилая девушка далеко за двадцать. Да чего там скромничать, очень далеко за двадцать.

Ужас просто, как пролетает время. Вот кажется, еще вчера мы с Сонькой прятались на чердаке, где в металлической коробке хранился наш регулярно пополняемый запас конфет, вафель, печенья и орехов, есть которые на чердаке было гораздо вкусней, чем за столом на кухне или в столовой. Сонька – моя подруга с детства, точнее, с младенчества. Наши квартиры находятся на одной лестничной площадке на верхнем этаже нашего пятиэтажного дома. Двери в квартиры всегда были открыты, и мы с Сонькой беспрепятственно ползали в гости из одной квартиры в другую, когда еще не умели ходить. Наши родители были близкими друзьями, и наши мамы по очереди готовили обеды и ужины на обе семьи. Мы с Сонькой росли как сестры, всегда горой друг за друга, но иногда и дрались между собой. Виноваты в этом были родители. Сонькина мать всегда восхищалась моими светлыми кудряшками, синими глазами и «аленьким ротиком». Моя же всегда повторяла, что «Сонечка ну просто гениальный ребенок, ну такая умница!», и старалась не заострять внимание на Сонькиных коротких рыжих волосах, смуглой коже и пронзительно смотрящих круглых черных глазах. Вот мы и дрались, мне было обидно, что меня умницей ни разу не назвали, а Сонька хотела хоть один раз побыть красавицей. И мы мечтали о чудесах и добрых феях.

Сразу же хочу добавить, что некоторые мечты сбываются. Уже к шестнадцати годам Сонька выросла в красавицу, да такую, что не заметить ее в толпе было просто нельзя. Сочетание густых блестящих темно-рыжих волос с нежной смуглой кожей и выразительными, темными, как маслины, глазами, вишневыми губами и ровными белыми зубами – превратило Соньку в необыкновенную красавицу. Первым это заметил Юрка Фролов, известный алкоголик в нашем дворе, к которому все относились доброжелательно по той причине, что занятые деньги он всегда возвращал в срок, хотя потом опять занимал, конечно. Он был из порядочных алкоголиков, у него и отец, и дед были такими же. Короче, Юрка отдыхал на лавочке после очередного возлияния, когда Сонька вышла из подъезда в зеленом сарафане, и яркое солнце осветило ее точеную фигурку, позолотило смуглую кожу и заиграло медью в волосах. Юрка вскочил с лавочки, ахнул, вытаращил глаза и сказал, ошеломленно мотая головой:

– Софья, блин, когда же ты выросла! Ты же красотка! Нет, ты не просто красотка, ты самая настоящая красавица!

И все бабки нашего двора начали тоже ахать и поддакивать. Сонька победно улыбнулась и стала еще красивей. Вот так исполнилась ее мечта.

А я? Ну что я? Как была, так и осталась ангелочком с открытки. Хоть бы чуточку что-нибудь от роковой женщины, но нет, типичный маленький ангелочек. Хотела перекраситься в брюнетку и сделать короткую стрижку, но отец взревел диким зверем: «Смерти моей хочешь, Серафима?» Смерти его я не хотела по той причине, что очень его любила, поэтому так и осталась открыточным ангелом. Но зато в отместку успешно закончила два института и получила два высших образования. И весь двор уверился, что я необыкновенно умная, так что можно сказать, и моя мечта сбылась, хотя тот же самый Юрка Фролов однажды сказал:

– Серафима! При такой-то красоте зачем тебе ум?

Ладно, возвращаюсь к детству. Когда нам исполнилось по 13 лет, Сонькиного отца перевели в Мурманск, и ее мать стала готовиться к переезду. Мы с Сонькой уже начали рыдать по ночам по причине предстоящего расставания, но тут весь двор ошалел от еще одной новости. Сонькин отец увез с собой не ее мать Аду Григорьевну, а мою – Елену Николаевну. Весь город стоял на ушах и обсуждал пикантные подробности. Сонькина мать и мой отец стали встречаться по вечерам у нас на кухне, пить домашнюю наливку и делиться своим горем и печалью.

Странно, но мы с Сонькой не очень переживали разводы родителей, мы хотели поженить оставшуюся пару, ведь тогда бы мы с Сонькой стали сводными сестрами дважды. Мы считали, что дважды сводные сестры могут запросто считаться родными. Могу добавить, что из этого плана ничего не вышло. Примерно через год Ада Григорьевна вышла замуж за зубного врача из районной поликлиники, а у моего папы появились многочисленные молодые подружки. Были Машеньки, Лидочки, Танечки, Оленьки, Юленьки, Риточки, Наташеньки, Анжелочки, Верочки, Тamarочки и даже одна Гузель. Сначала отец их со мной знакомил, потом знакомить перестал, а вскоре появилась не Ирочка, а Ирина Васильевна, новая учительница из 8-ой школы, и все. Она была красива, молода, умна и беременна. Даже мне было видно, что они друг друга любят, и я испытывала странные чувства: целую смесь из печали, ревности, любви и щемящей тоски.

Через месяц они поженились, отец купил новую квартиру, у них родился хорошенький мальчик, мой брат Митька, и отец помолодел лет на десять. Я осталась жить в старой квартире, мне было 18 лет и хотелось быть независимой. Сонька жила в квартире напротив, мы были вместе. Я училась в двух институтах, а Сонька на разных курсах. Она всегда хотела стать не просто хорошей парикмахершей, а Мастером-Стилистом, и ей это удалось. Дамочки районного значения записывались к Соньке за полгода вперед. Ее родители сложились и купили Соньке маленький салон красоты, а отчим помог с оборудованием. Вывеской служила очень красивая надпись золотом по стеклу громадного окна: «Салон Красоты Софи Кузо».

Мать Соньки обожала старые фильмы и особенно любила итальянскую актрису Софи Лорен, поэтому Соньку называли не Софьей, а Софи. Конечно же, имя Софи Кузовлева как-то не впечатляло, и ребята из нашего класса переименовали Соньку в Софи Кузо. Все очень быстро привыкли к укороченной фамилии и Кузовлевой никто Соньку больше не называл. С моей же фамилией происходили различные метаморфозы. Моя фамилия Ненашева. Родители называли меня Серафимой в честь прабабки-староверки. Как только меня ни дразнили в школе: «Наша Ненаша», «Не нашего поля ягодка», «Ягодка не наша», «Ягодка», а потом почему-то остановились на «Малинке». Сонька сказала, что это по ассоциации с выражением «Ягодка-Малинка». И так все привыкли к этим прозвищам, что когда мы с Сонькой в очередной раз опоздали на урок биологии, биологичка окинула нас холодным взглядом и прошипела:

– Малинка и Кузо, к директору. Немедленно.

И никто даже не улыбнулся в классе.

Короче, жили мы с Сонькой прекрасно. Она поддерживала мою ангельскую красоту в своем салоне, а я помогала ей со всеми бухгалтерскими делами. Вчера мы были на дне рождения Егор Палыча, моего шефа, но Сонька ушла домой раньше, и не одна, а с нашим компьютерным гением Игорем, с которым у нее вроде бы роман и, кажется, серьезный. Я же осталась танцевать и пробовать новые коктейли, которые мастерски придумывал бармен Ренат.

Что-то я заболталась не по делу. Ну значит, после аспирина и воды мне захотелось крепкого кофе. В голове уже не стучало и не звенело, но оставался еще туман в мозгах. Я никак не могла вспомнить, кто поставил мне аспирин и воду на журнальный столик около дивана в гостиной. Если сама, то почему я спала на диване, а не в спальне на любимой кровати? Если Сонька, то опять-таки почему она оставила меня спать на диване? Мистика...

Я уже шла на кухню, когда зазвонил телефон. Звонила Сонька, хотя голос узнать было трудно.

– Выходи, – сказала она полупшепотом, – у меня в машине лежит мертвец, прямо даже целый труп...

Глава 2

– Труп? Какой труп? Ты что же, затрахала Игорька до смерти? – растерянно смеясь, спросила я.

– Фимка, приди в себя, у меня в багажнике действительно труп, и это действительно Игорь, но он ушел домой в пять утра, на своих ногах ушел, между прочим, а сейчас он в багажнике... а может, и не он.

– Ты хочешь сказать, что труп Игоря ушел на своих ногах в пять утра, а потом решил залезть к тебе в багажник и там окончательно скончаться?

– Не валяй дурака, – заплакала Сонька, и это меня очень испугало, потому что она плакала крайне редко, – выходи на улицу и сама посмотри, может у меня нервный срыв, может мне все кажется – и никакого трупа нет.

– Сонечка, успокойся, я сейчас оденусь и выйду. Уверена, что никакого трупа в машине нет, тебе просто показалось, у тебя вечно бардак в багажнике.

Сказав такую успокоительную фразу, но слегка потрясываясь от неожиданно пришедшего страха, я пошла на кухню, чтобы найти настойку пустырника на всякий случай, и вот тут уж так испугалась, что ноги задрожали и потемнело в глазах. На моей кухне, за моим столом, на моем стуле, в моем халате, с моим полотенцем на шее сидел здоровенный молодой мужик лет этак тридцати пяти, пил мой кофе из моей чашки и заедал краковской колбасой, нарезанной толстыми ломтями в мое блюдо. Короче, все было мое, даже колбаса, – но мужик моим не был.

«Все... доигралась, уже чужие мужики по кухне шастают, а ты и не помнишь, кто такой. Куда такое годится? Замуж тебе надо, замуж, тогда твой муж его бы запросто из кухни выставил», – сказал мой внутренний голос, который вечно меня критиковал, но я его не слушала, как обычно.

– Вы кто? Как вы попали на мою кухню? – с усилием прохрипела я.

– Ну ты даешь, Симочка. Меня зовут Александр Никитин, лучше Саша, я московский партнер Егор Палыча. Вчера Палыч попросил меня проводить тебя домой, потому что ты решила попробовать все коктейли в баре и переусердствовала. Я тебя привез, дотащил до квартиры, открыл дверь, потому что ты все время роняла ключи, положил тебя на диван, снял туфли и хотел снять с тебя пиджачок, чтобы тебе дышалось легче, но ты начала драться и ударила меня пяткой в очень нежное место. При этом ругалась по-английски, как матрос торгового флота в Ливерпульском борделе, и такого даже мой здоровый организм не выдержал. Я был вынужден остаться и лечь спать в твоей кровати.

– Не называйте меня Симочкой, – оскорбленно пискнула я, – я вам не Симочка, а Серафима Олеговна Ненашева, допивайте кофе и убирайтесь из моей квартиры! У меня и без вас достаточно проблем.

– Это вы о трупе, Серафима Олеговна? Который сейчас находится в багажнике машины вашей подруги?

Ну вот же гад какой! Сам в моем халате сидит и мой кофе пьет, и ухмыляется еще паразит, так и хочется треснуть его по голове чайником. Ну, Саша, ничего себе партнер!

– И откуда же вы, Саша, знаете, как ругаются матросы в Ливерпульском борделе? Вы там тоже партнер или же просто частый гость?

– Серафима Олеговна, – сказал гад и неприятно улыбнулся, показав зубы, а зубов у него наверняка было гораздо больше, чем тридцать два, уж очень сверкали, – давайте переодевайтесь побыстрее. Нужно посмотреть, что именно находится в багажнике и решить, что с этим делать, и не дать вашей подруге совершить какую-нибудь глупость. У вас есть минута.

До сих не понимаю, каким образом я успела за минуту почистить зубы, умыться, причесаться и переодеться, но успела. Психологи говорят, что в стрессовых ситуациях люди способны на очень многое. Гад, то есть Александр, то есть Саша, уже стоял у двери. Лифта у нас нет, поэтому мы почти бежали вниз по лестнице. Сонька ждала в подъезде, курила и дрожала, как в ознобе. Ее волосы торчали дыбом, а лицо было не просто бледное, а с какой-то даже синевой. От жалости к ней у меня сжалось сердце. Соньку напугать совсем нелегко, но в этот раз она выглядела очень напуганной.

Увидев Сашу, она почему-то не удивилась, просто сказала, что рада, что он еще не ушел. То есть, она, выходит, знала, что он у меня в квартире? Каким образом?

Саша взял у Соньки ключи от машины и вышел на улицу. Сонька задрожала еще сильнее, а я обняла ее и прижала к себе. Мы стояли, тесно прижавшись друг к другу, и молчали, не зная что сказать.

Саша вернулся через несколько минут. Посмотрел на Соньку очень странно и спросил:

– Во что вы там с Игорем играете? Его в багажнике нет сейчас, но он там был, ты не врешь. Там пятно крови на коврике осталось, коврик надо бы выбросить.

– Он что, ушел? Значит, он живой, а мертвым притворялся, чтобы меня напугать? Вот урод! А еще замуж предложил вчера, струсил, сволочь, и трупом прикинулся.

Сонька уже не дрожала, ее просто трясло и даже качало от пережитого страха, от негодования и возможно, даже от облегчения. Трясло ее так, что длинные серьги в ушах звенели и раскачивались. Труп ушел, исчез, испарился, трупа нет в ее машине, и это главное. Саша долго вздохнул и тихо сказал, обращаясь ко мне:

– Конечно, он мог и сам уйти, но его могли и вытащить, пока Соня ждала тебя в подъезде. Вопрос в том, кому и зачем надо было это делать? Соню лучше не оставлять одну, пусть она поживет у тебя, да и мне лучше побыть у тебя несколько дней. Вам нужна охрана. У тебя три комнаты, мешать друг другу не будем. Первым делом надо узнать, жив Игорь или мертв, и по какой причине его пытались убить, а уж потом все остальное.

Конечно же, я не возражала против того, чтобы Сонька пожила у меня, а вот присутствие Саши-Александра в моей квартире как-то не вдохновляло. Двухметровый мужик с крепкими мускулами, неприятной улыбкой и тяжелым взглядом меня пугал. Не знаю, почему, но от его взглядов у меня «вся шерсть вставала дыбом». В придачу, внешность у него была южного типа – черные волнистые волосы, смуглая кожа, нос с горбинкой, четко очерченный рот, правда глаза у него серые, брови густые, а ресницы... ну ресницы красивые, правда. Короче, он смотрелся бруталом, а я их на дух не выношу. Их навалом в любом фитнес-клубе. Не столько тренируются, сколько выпендриваются, мускулами поигрывают. Интеллект ниже среднего. Нет, нет и нет, это не для меня, а то расселся в моем халате, мой кофе пьет и мою колбасу трескает... ух, если бы не Сонька, пожил бы ты в моей квартире, аферист.

Сонька сначала зашла к себе за пижамой, халатом и коньяком, а потом устроилась в моей кровати и вроде бы задремала. Александр уместился на диване в бывшем кабинете отца и занялся рассылкой сообщений. Кому и о чем он писал и что ему отвечали, я не знаю, но вид у него становился все более и более встревоженным. Меня это очень беспокоило. Конечно, это не очень прилично – сновать туда-сюда мимо открытой двери в кабинет, но удержаться я не могла... до тех пор, пока Александр не сказал ледяным голосом:

– Серафима Олеговна, успокойтесь, идите отдыхать, у меня нет намерений посягнуть на вашу собственность или красоту, к тому же вы не в моем вкусе.

Вот же сволочь! Я не в его вкусе... ага. Чтобы я, чистейшая блондинка по рождению, которую все папины друзья называли «Ангел Небесный», в которую были влюблены все мальчишки из 10-А, девятиклассников я уж и не упоминаю, а в институтах даже преподы дарили цветочки и шоколадки по разным поводам и без поводов. Да меня на работу не хотели брать, потому что уж очень красивая и могу испортить отношения в коллективе. Когда нужно было

ехать в командировку в Ереван, Егор Палыч на охрану денег не пожалел, но местные мужчины все равно глазели на меня, куда бы я ни пошла, и что-то умоляюще шептали. Я спросила местного охранника, о чем они шептали, он долго упирался и краснел, но потом все-таки признался, что шептали разное, в зависимости от того, с какой стороны на меня смотрели. Ну то есть, те, что смотрели на мое лицо, шептали: «Вах, какое личико». Ну а те, кто видел меня сзади, шептали: «Вах, какая попка». Я ожидала чего-то более возвышенного, если честно, но как бы там ни было, все эти черноволосые, смуглокожие, горбоносые аборигены меня заметили и оценили, а ему, видите ли, я не по вкусу. С самого начала было видно, что гад и сволочь, и гамадрил. Это обезьяна такая, хотя я ее никогда не видела, но название звучит очень подходяще.

Ну ладно, Сашенька-Александр! Вот разберемся с трупом, я тебе покажу, кто в чьем вкусе.

Глава 3

Всю ночь я спала урывками, без конца просыпаясь то от звука шагов в коридоре, то от Сонькиного храпа. Сонька вечером выпила снотворное и спала, как убитая. Александр постоянно кому-то звонил, потом уходил или приходил, к нему тоже кто-то приходил, а потом уходил, в общем, по-настоящему я уснула только под утро и проснулась от Сонькиных диких воплей. Открыв глаза, я увидела Соньку в ее любимой пижаме в горошек, в моих тапках, растрепанную и красную, как будто только что вылезшую из парилки. Сонька стояла в коридоре, держала в руках старый сломанный зонтик и орала во все горло:

– Саша, меня ограбили... Саша, сделай что-нибудь... догони их... ты что, оглох там совсем? Квартиру вскрыли, сволочи, бандюки, подонки, и денежки мои тютю!

Саша, а я теперь буду называть его так все время, потому что так короче, вышел из папиного кабинета со стаканом сока в одной руке и громадным бутербродом в другой, заметьте опять-таки, что колбаса, хлеб и сок были мои собственные. Нет, я не жадная, ну просто меня злит, что он ведет себя, как будто у себя дома. Ну в общем, он вышел из кабинета и с удивлением воззрился на Соньку.

– Почему кричим? Кто тебя ограбил? Что украли? Перестань орать, вдохни, теперь выдохни, еще раз, а теперь рассказывай.

Сонька послушно вдохнула, покраснела еще больше, выдохнула, опять вдохнула и опять выдохнула, и начала свой рассказ уже в более спокойном тоне.

– Саша, я проснулась и пошла к себе принять душ и переодеться, захожу, а в квартире все не так, там они вроде искали что-то. Ну деньги они в морозилке нашли, а еще мое любимое колечко и кулон взяли. Они в шкатулке лежали.

– Денег много было?

– Для кого как, 2 000 долларов, на новый костюм отложила, дорогуший, но хотела себя порадовать... вот и порадовала.

Сонька жалостно вздохнула, покопалась в кармане пижамы, вытащила смятую салфетку и громко в нее высморкалась.

– Ты там ничего не трогала? Ну кроме морозилки и шкатулки? Полицию надо вызывать, отпечатки пальцев снимать и так далее, – сказала я.

– Не надо пока полицию, – Саша поморщился и продолжил: – Надо сначала разобраться, что там с Игорем. Если это просто кража или искали у тебя, Соня, что-то, что мог Игорь оставить, а уж деньги и колечко взяли для отвода глаз. Пока с Игорем не разберемся хоть немного, нельзя полицию вызывать, иначе ты, Соня, можешь оказаться под подозрением. Не забудь, у тебя в машине кровь, да и другие следы наверняка тоже остались.

Сонька от такой перспективы вздрогнула и несколько раз шмыгнула носом. Саша судорожно строчил и отсылал сообщения. Вид у Саши был задумчивый и очень даже деловой, но я решила все-таки внести свой вклад в предстоящее расследование.

– Тогда Маринке надо звонить. Она у нас спец по таким делам. На прошлой неделе потерянный ключ от сейфа Елизавете Петровне нашла за две минуты, а Вадиму из маркетинга разгадала, кто у него пончики таскал. И вообще у нее талант...

Но тут Саша меня перебил:

– Ах, блондинки, блондинки... Ладно, девчонки, отправляйтесь на работу, а я посмотрю Сонькину квартиру и подумаю о том, что нам делать, созвонимся потом.

На работу я приехала на полчаса позже, хотела тихонько шмыгнуть в свой отдел, но не успела. Егор Палыч уже несся по коридору, открывая каждую дверь и громко покрикивая:

– Чемлякова где? Чемлякову никто не видел? Французы будут через два часа. Куда она пропала? Быстро ее в переговорную, и в кофте. Да что же это такое, разбаловал всех, не найти

никого на рабочих местах, уволю всех к чертовой бабушке, так и знайте. Чемлякова! Куда тебя унесло?

Да, если Палыч так разнервничался, что самолично разыскивает Чемлякову, то, наверное, приезжает ни кто иной, как Клод Бовэ, с которым мы собираемся подписать очень приличный контракт, что там приличный, обалденно выгодный контракт. Обычно же разыскивает Марину Чемлякову секретарь Палыча – Вера Семеновна, которая просто вещает по громкой связи: «Марина Чемлякова! Немедленно в переговорную номер 2». Наша громкая связь вещает даже на лестнице, где айтишники устроили курилку.

Марина Чемлякова – живая легенда в нашей фирме и даже в некоторых не наших. Конкуренты уже несколько раз пытались переманить Маринку к себе, но она, как стойкий оловянный солдатик, не поддавалась на уговоры и обещания и хранила верность нашему «Строймашу», а также лично нашему хозяину Егор Палычу. Нет, никакого интима между ними не было и в помине, а было что-то вроде содружества и понимания.

Маринка работает переводчицей в нашем Международном отделе, переводит с английского и французского. Лучше всего у нее получается французский перевод во время переговоров. Все знают, что если Маринка в розовой блузке, которая сшита таким хитрым образом, что увеличивает ее достоинства на два размера самое малое, присутствует на переговорах с французами, контракт будет подписан с наивыгоднейшими для нас условиями. Именно так, на самых выгодных условиях. Вот какой эффект ее акцент и хитрая блузка оказывают на французов, и никто не понимает, почему, даже сами французы.

На английском она тоже говорит свободно и легко, но это и не удивительно, так как у нее уже года два роман с английским журналистом, бойко пишущим статьи про культурную жизнь в России. Не знаю, какой он журналист, знаю, что в женских тряпках он разбирается, это точно. Он Маринке такие шмотки привозит из Лондона, а на прошлой неделе сапоги привез, так девчонки работать не могли, все сбежались сапоги смотреть. Ну ведь красота какая, лайковые, мягкие, белые, а впереди две таких висюлечки блестят и переливаются на тонких цепочках. Маринка сама даже исстрадалась, не знает, как ей с ним быть. Замуж зовет, барахло привозит, и человек вроде хороший, но ведь журналист, никакой финансовой надежности. Сегодня деньги есть, а завтра нет.

Елизавета Петровна, наш главбух, всем нам твердит постоянно, что финансовая стабильность означает стабильность в браке. А вот Клавдия Николаевна, наш товаровед, нам говорит, что залог успеха в браке – это достаточная практика, то есть замуж надо «сходить» несколько раз, чтобы понять, что именно ты хочешь иметь рядом с собой на всю жизнь. Сама Клавдия Николаевна замужем была три раза, сейчас она в поиске четвертого кандидата. Да... замужество – это не шутка. Вон и наша буфетчица тетя Надя нам тоже все время говорит: «Не торопитесь, девки, замуж, выбирайте с умом, чтобы через год после свадьбы не было мучительно больно понимать, с каким же паразитом ты связала свою жизнь».

Ой, меня опять занесло. О чем я говорила? Ах, да, про Маринку Чемлякову и ее таланты. Ну про то, что она наш фирменный сыщик, я уже говорила, все найдет, все раскопает, никакой опер с ней не сравнится. А вот как она на французов действует, – это уже особый талант. И почему такой эффект – никто не знает. Маринка худенькая, маленькая, метр пятьдесят пять, если в шляпке, очень короткая мальчишеская стрижка, такой, знаете, умильный хохолок на макушке торчит, красит губы яркой алой помадой и носит туфли малюсенького размера на высоченных каблуках. Каблуки эти такие тонкие и такие высокие, что Маринка практически стоит на пальцах, как балерина, и не только ведь стоит, так ведь еще и бегаёт целый день. У нас пол под мрамор сделан, а она даже не скользит, чудеса и только.

Когда Маринка надевает белые джинсы в облипочку и крошечный топик, туфли на сумасшедших каблучищах и большущие черные очки, она становится похожа на итальянку, ну на ту, что была сфотографирована с Абрамовичем на его яхте. Девчонки из бухгалтерии уве-

ряли всех, что никакая это не итальянка, а наша Маринка, то-то ее не видно на работе. Видно, и Абрамовича обработала, как французов, и с ним теперь на Мальдивах отдыхает.

Я бы тоже поверила, если бы ни знала, что Маринка вторую неделю дома занимается техническими переводами и по совместительству болеет бронхитом. Егор Палыч сказал, что за победы над французами она достойна памятника, и даже обещал поместить этот памятник на высшей точке нашей знаменитой «розовой» клумбы с розовыми гиацинтами весной, розовыми бегониями летом и розовыми астрами осенью. Розовый цвет обожают жена Егор Палыча, которую он уже тридцать лет любит, холит, уважает и немножко побаивается, поэтому клумба остается розовой круглый год, за исключением зимы. Зимой цвет клумбы зависит от погоды: серый, когда дождь, и белый, когда снег.

В общем, день был суматошный. Думать о работе не получалось, – думалось о сбежавшем трупке Игоря, о том, что надо одолжить Соньке 2 000 долларов, чтобы купила себе костюм, и почему-то думалось еще о Саше. Все-таки гад он, вот зачем он лезет в мои мысли, надо же быть таким бессовестным. Ну ладно, вот Маринка освободится, и я ей сразу позвоню.

Глава 4

Я никак не могла дождаться, когда закончатся переговоры, чтобы можно было спокойно за чашкой кофе переговорить с Маринкой в буфете. У тети Нади был такой столик у окна, за пальмой, куда она сажала тех, кому надо поесть или попить, так сказать, без отрыва от производства. С этим столиком связано очень много смешных историй и не смешных тоже, там даже целовались без отрыва от производства, или плакали в жилетку подругам, и там же произошла не забываемая нами история с поездкой в Грецию.

Пару лет назад Егор Палыч премировал отдел продаж поездкой в Грецию на пять дней за выдающиеся заслуги. Погода у нас была плохая, и всем хотелось на солнышко. Кадровичка спешно готовила документы для туристического агентства, атмосфера в отделе продаж была насыщена радостным ожиданием, и тут Эдик Гусаков решил выпендриться и поспорил с Лютиком, это наш охранник, но никто не помнит, как его зовут, поэтому для всех он Лютик. Так вот Эдик поспорил с Лютиком, что все эти бумажки никто уже давно не проверяет и в анкете в графе «SEX» написал: «Yes, please».

Замотанная кадровичка Эльза Руфиновна, дорабатывающая последние месяцы перед уходом на пенсию, действительно не проверила собранные анкеты и передала их куда положено, и через несколько дней разразилась гроза. Егор Палычу позвонили сверху и сообщили о хулиганском поступке Гусакова с требованием его немедленного увольнения в связи с тем, что греки отметили, что такой ответ не являлся уникальным, таких ответов они получали и получают сотнями, а вот уникальным в графе «Sex» был ответ: «Могу каждый день», а следом за ним, т.е. на втором месте, был ответ: «По выходным с женой», написанные двумя господами из ближнего зарубежья. И там наверху очень сердились даже не на хулиганский поступок сам по себе, а на то, что Эдик практически осрамил нашу родину, уступив первенство господам из ближнего зарубежья, и как бы показал грекам, что русские не могут быть оригинальными даже в мелком хулиганстве. Вот так.

Ой, что было с Егор Палычем! Он вызвал Гусакова, топал ногами, орал на него, срываясь на фальцет, разбил чайный сервиз, кинул в Эдика стакан с минералкой, но... не уволил. Просто лишил премии его и весь отдел продаж, и отменил поездку в Грецию. На Эдика все в отделе смотрели как на врага народа, так смотрели, что он не выдержал, занял деньги у друзей и пригласил весь отдел в пятницу вечером в ресторан местного пансионата, чтобы хоть немного компенсировать несостоявшуюся поездку.

Пировали они там двое суток без отдыха и распозлились по домам в воскресенье ближе к вечеру, и только потому, что у Эдика кончились деньги. Эдик, кажется, до сих пор выплачивает по частям занятые у друзей баксы, но зато отдел его простил. Эльзу Руфиновну срочно отправили на пенсию, но не в виде наказания, а на всякий случай, чтобы у нее не было проблем с теми, кто наверху. Вот что хотите говорите, но наш Егор Палыч лапочка, хоть и почти что олигарх.

Я опять отвлеклась. Короче, я с трудом дожидалась конца переговоров и мучилась сомнениями, говорить ли про труп Маринке или ограничиться только рассказом об ограблении Сонькиной квартиры. Время от времени выбегала в коридор, чтобы проверить, есть ли свет в переговорной или нет. Обычно по окончании переговоров свет там выключали. Но свет горел в переговорной уже четыре часа, жалюзи были приспущены, и время от времени в просветах мелькали тени, а значит – переговоры продолжались. Но примерно за час до окончания рабочего дня в коридоре послышался шум голосов, и я пулей выскочила из офиса в коридор. Дверь в переговорную была открыта, и были хорошо видны и улыбающийся, счастливый донельзя Егор Палыч, и Клод Бове, целующий Маринке обе руки и в промежутках что-то ей говорящий. Маринка кокетливо смеялась и отрицательно качала головой. В конце концов она освободила

свои руки, покивала всем головой, прощаясь, и направилась прямо ко мне. Вот ведь глазастая какая, я ведь не просто так в коридоре стояла, я за фикусом примостилась и увидеть меня из переговорной не так уж и легко.

– Ну что там у вас? Мне Соня звонила, просила помощи. Я не очень хорошо ее поняла, потому что она шептала в трубку, но она несла какую-то чушь про труп в багажнике, который исчез, и об ограблении. Давай выкладывай все как есть, вас труп ограбил, или вы, кошки-милашки мои, сами его ограбили и убили?

Маринка еще не «остыла» от успешных переговоров, глаза ее горели зеленым огнем победы, грудь вздымалась, и все рюшечки и воланчики на знаменитой блузке трепетали и подрагивали. Но не только это привлекало внимание, на шее у Маринки была повязана черная ленточка-бархотка с аккуратным бантиком, а посередине бантика красовался чудный серебряный котик с изумрудными глазками, поднятой вверх передней лапкой и хвостиком, который двигался и указывал прямо на ложбинку, проглядывающую между рюшечками и воланчиками. Котенок был ну просто прелесть, ложбинка тоже ничего себе. Маринка, заметив мой взгляд, пояснила:

– Мой привез, котик антикварный, талисман, удачу приносит, специально сегодня надела. Верно, приносит он удачу, этим котиком я Бове добила. Палыч сказал контракт надо на пять лет, а Бове начал сомневаться и хотел на четыре года подписать, но тут я к нему повернулась, слегка нагнулась, чуточку трянула воланчиками и от себя добавила: «Ах, Господин Бове, посмотрите на мою киску, даже она подтверждает, что наше сотрудничество должно быть долгим и очень, очень плодотворным».

– Ну и что? На киску глянул, хвостик оценил и...

– Серафима, удивляешь ты меня, ей-Богу, – спекся Бове, ну я правда еще и губы облизнула, как будто они пересохли совсем, медленно так облизнула... самым кончиком языка... ну и в глаза ему смотрела, как Таис Афинская Александру.

– Это какая же Таис, Настасья из приемной что ли? Я не знала, что ее фамилия Афинская. И когда она Саше так в глаза смотрела?

– Ну молодежь пошла... Таис Афинская была греческой гетерой и любовницей Александра Македонского.

– Понятно... а он?

– Кто он? Македонский или Бове?

– Оба.

– Про Македонского не знаю, а у Бове глаза в кучку. Палыч получил контракт на пять лет. Все хватит, пошли в буфет, нормального чаю с плюшками попьем, у меня кофе скоро из ушей польется, ну и поговорим о ваших делах.

Пока буфетчица тетя Надя грела нам плюшки и заваривала свежий ароматный чай с лимоном, я позвонила Соньке и вызвала ее к нам. Сонька примчалась вся из себя такая шикарная, в новом очень дорогом костюме, что мы с Маринкой в унисон сказали: «Ничего себе...», а Маринка спросила:

– Откуда дровишки? Ты же вроде как ограбленная?

– Саша Никитин дал взаймы для поднятия боевого духа. Грабителей найдем, мои деньги вернем, и я отдам Саше.

– Круто. Он часом на тебя не запал? Имей в виду, у него баб как рыб в море.

– Да нет, он на Фимочку запал, все о ней спрашивал. Есть ли у нее кто, куда ходит, с кем встречается, что любит, и сказал, что Фимочка – необыкновенная красавица, даже просто редкостная.

– Да иди ты! Так и сказал? Ну, Серафима, готовься к обороне, береги силы. Если Сашка идет в атаку, то надо либо бежать со всех ног подальше, либо сразу сдаваться.

– Да ты-то откуда знаешь? – не выдержала я.

– А я из этих, из сдавшихся... давно это было, я еще в институте училась.

Ну вот, сердце мое правду говорило. Он гад, сволочь и гамадрил. Что ж так не везет мне? А вообще с чего бы мне переживать? Мне смуглые горбоносые брюнеты brutального вида никогда не нравились. Не мой типаж.

– Серафима, алло, ты уснула, что ли? Ты слышишь, что Соня рассказывает?

– А что она рассказывает?

– Сонь, повтори для глухих, пожалуйста, медленно и с выражением.

– Фимочка, Саша сказал, что Игорь живой, хотя и немного побитый. Сейчас он прячется, но Саша его найдет скоро.

– Ну, Слава Богу, трупа нет, но ведь Игорек сотворил что-то, раз его пытались увезти, да еще и побили серьезно до крови, и у Сони искали то, что спрятал там Игорь, я уверена. Ну что, девчонки, будем искать?

Не успели мы чокнуться чашками с чаем, чтобы скрепить наш союз, как услышали вальяжный голос:

– Серафима, Софи, вот вы где прячетесь, милые девушки, а я вас искал. А как зовут прекрасную даму, что сидит рядом с вами?

– Марфа Васильевна я... Саш, кончай придуриваться, я уже сказала девчонкам, что мы с тобой давно знакомы. Давай садись, интуиция говорит мне, что дело серьезное, даже очень серьезное, и надо хорошо подумать, что делать дальше.

И мы стали снова пить чай, думать и планировать свои действия на завтра.

Глава 5

Хорошо, что сегодня у меня отгул и можно не вскакивать с кровати, как перепуганная кошка, а позволить себе несколько раз потянуться, несколько раз вкусно зевнуть и несколько минут помечтать. Например, я просыпаюсь от запаха цветов и пения птиц, открываю глаза и вижу на столике огромный букет, из которого высовывается карточка в виде большого двойного сердца, на которой написано:

«С добрым утром, любимая! Ты выйдешь за меня замуж?»

А с самого красивого цветка свешивается на серебристой ниточке кольцо с таким огромным бриллиантом... нет, бриллианты это уже банально и пошло, – может, изумруд? Нет, к моим синим глазам лучше всего сапфир в рамочке из мелких бриллиантов или аквамарин... Ой, какой я однажды видела аквамарин на руке одной дамочки! Нет, сапфир будет смотреться лучше... Решено, значит на ниточке свешивается кольцо с огромным сапфиром, обрамленным россыпью бриллиантов, может, мелких, а может, и не совсем мелких. Я встаю с кровати, надеваю роскошный кружевной пеньюар, и шелк пеньюара нежно шуршит, сползая с белоснежного шелка простыней, потом я надеваю кольцо на палец и любуюсь дивной игрой драгоценных камней, и слышу тихий и осторожный стук в дверь. Это он, человек, который будет моим мужем: высокий, смуглый, черноволосый и сероглазый атлет. Минуточку... какие еще черные волосы и смуглая кожа? Он же русоволосый должен быть, и кожа у него просто загорелая, а глаза синие. Черноволосых смуглых гамадрилов мне не надо. Значит так, мой русоволосый любимый снова осторожно стучит в дверь, и я, улыбаясь, говорю:

– Входи же, милый, я согласна стать твоей женой. Надеюсь, ты сделаешь меня счастливой...

– Сделаю, сделаю, при условии, что ты мне скажешь, что именно сделает тебя счастливой – кофе или чай? – сказал «русоволосый любимый» Маринкиным голосом. – И Сонька собирается жарить к завтраку сладкие молочные гренки для придания необходимых в сегодняшней обстановке сил. Уже почти одиннадцать, давай вставай. Сейчас Сашка приедет, а мы еще обыск не начинали даже.

– Господи, Марин, какой обыск? Мы же запланировали проверить Сонькину квартиру на тот случай, если Игорь спрятал там что-то.

– А это и есть обыск, радость моя. Вставай давай, а то Сашка приедет и даст всем разгон. Он это умеет почище Егор Палыча. За ним не заржавеет, несмотря на то, что он на тебя запал.

Я встала, пеньюара у меня не было, халат надеть я поленилась, и как была, в трусиках и маечке, отправилась в ванную, на ходу завязывая волосы хвостом. Банг... и я уткнулась головой прямо Сашке в грудь, а грудь была очень твердая, между прочим. Сашка от неожиданности меня обнял, а потом отпустил, и его горячие ладони скользнули по моей спине и попе.

– Не трогай меня! – с перепугу завопила я.

– Да я и не трогаю. Ты сама в меня влетела, а я придержал, чтобы не упала.

– Серафима, не ори, Сашка прав. Если бы он тебя трогал, ты бы не орала.

– Это что, из собственного опыта? – не удержалась и съязвила я.

– А то... – равнодушным голосом ответила Марина.

Все время, пока мы вот так препирались, Сашка не сводил с меня глаз, и на щеках у него появился темный румянец. Конечно, понять его было можно. Маечка на мне была очень коротенькая, а кружевные трусики открывали больше, чем прикрывали. Если честно, Сашкин тяжелый взгляд и особенно этот его темный румянец меня очень порадовали, и я пошла в ванную с улыбкой на губах и чувствуя всей своей кожей Сашкин взгляд на моих бедрах, даже слегка вильнула попой, из вредности, конечно.

– Серафима, – негромко сказал Сашка, – ты по квартире в таком виде лучше не ходи, а то у меня нервы такой стресс могут не выдержать.

– Вот еще, – возмущенно фыркнула я, – не нравится, не смотри, а я у себя дома, между прочим, что хочу, то и делаю.

Забегая вперед, хочу сказать, что именно с этого столкновения в коридоре наши отношения с Сашей перешли в другую фазу. Он смотрел на меня тяжелым неприятным взглядом, и на щеках у него загорались два бордовых пятнышка. А я всей кожей чувствовала этот его взгляд, даже если не смотрела в его сторону. Он как бы ласкал меня своим взглядом от макушки до пяток, но не было нежности в этой ласке, а было что-то темное, дикое, пугающее и возбуждающее одновременно, хотя вполне вероятно, что это мне только казалось. Я поняла одно: я боюсь и я хочу этой его ласки. И я не знала, что сильнее – страх или желание.

Но это все произошло потом, а сегодня мы сидели за столом, ели вкусные горячие гренки и запивали их вкусным крепким чаем. После завтрака Саша ушел в бывший папин кабинет, а мы трое отправились обыскивать Сонькину квартиру и заодно там все убирать и чистить. Кстати, особенного бардака грабители после себя не оставили, и Маринка после внимательного осмотра сказала, что искали что-то небольшое, которое можно было спрятать быстро и незаметно, и для этого резать диван и вытряхивать пух из подушек совсем не обязательно. Так как Игорь наш был компьютерный гений и только-то, – что он мог украсть у кого-то? Лишь информацию – значит, искать надо либо флешку, либо диск, либо листок бумаги, аккуратно сложенный так, чтобы быть очень маленьким по размеру.

Когда Сашка зашел к нам с проверкой нашего труда, Маринка поделилась с ним своими выводами. Он посмотрел на нее внимательно, кивнул и сказал, улыбаясь:

– А ты, Марин, не дура, правильно мыслишь, ищем либо бумажку, либо флешку. Соня сказала мне раньше, что в ту ночь они были вместе все время либо в спальне, где они удовлетворяли свою, так сказать, животную страсть, либо в гостиной, где они допили бутылку шампанского, которую прихватили с собой, уходя из клуба. В гостевую спальню, где Соня хранит особенно дорогие припасы для своего салона, они не заходили, да и комната всегда заперта. Грабители ее открыли, конечно, но ничего там не тронули. Но Соня также выходила в ванную из спальни и на кухню из гостиной, а Игорь тоже выходил в ванную из спальни. Я уверен, что в спальне он ничего не прятал, не до этого было. Значит, остается ванная и гостиная, на этом и сконцентрируйте свое внимание, девочки.

Мы так и сделали. Правда в ванной мы не особенно старались, так как прятать там листок бумаги или флешку было не очень разумно, все-таки там вода и пар, даже если флешка или листок завернуты в пластиковую пленку, риск повреждения довольно высок даже за один день. У Соньки в ванной установлена турецкая парилка, еще ее отчим установил, а Сонька к этой парилке пристрастилась и Игоря тоже приучила. А вот гостиную мы перешерстили основательно, осмотрели и проверили чуть ли ни каждый сантиметр... и нашли!

Точнее, нашла Маринка. Удивляться этому не приходится, я уже говорила, что у нее сыщицкий нюх и острый глаз. Она обратила внимание на то, что плинтус около дивана отставал от стены на несколько миллиметров, хотя на всем протяжении стены плотно к ней прилегал. Она засунула туда пилку для ногтей, и бумажка выскользнула наружу. Мы дружно заорали от радости и помчались ко мне, то есть мы помчались к Сашке, чтобы показать ему нашу находку.

Саша осторожно развернул сложенный листок, там было написано что-то столбиками очень мелким почерком. Четыре столбика, два с цифрами и два с английскими буквами. Саша вдохнул, выдохнул, опять вдохнул и сказал нам:

– Девчонки мои дорогие, вы даже не представляете, ЧТО вы нашли. Ай да Игорь, ну надеюсь, что он еще жив. Девочки, мне надо позвонить, а потом я уеду в Москву на пару дней.

Живите нормально, но если вас действительно спросят, то скажите правду, все как есть – нашли листок с цифрами и буквами, отдали мне, и я увез листок в Москву. Хорошо?

Мы дружно кивнули, Саша позвонил кому-то и сказал только два слова:

– Нашел, еду.

Потом поцеловал Соньку в макушку, Маринку в щеку, а меня не поцеловал, просто погладил по щеке и сказал:

– Пока, Ангелочек, я скоро вернусь, – и ушел.

Вот всех поцеловал, а меня нет, ну ведь обидно же. Гад ты все-таки, Саша Никитин.

Глава 6

Три недели прошли более или менее нормально, без особых приключений, хотя одно знаменательное событие все-таки произошло, но об этом чуть позже. А так мы, как обычно, шли каждый на свою работу, обедали в нашем буфете или в кафе напротив офиса, возвращались домой после работы и занимались своими делами, у кого они были. Саша никому из нас не писал и не звонил, и я уже стала верить, что наша с ним история закончилась, даже не начавшись. И мне было почему-то очень грустно, хотя грустить и печалиться, по идее, было не о чем. Ну смотрел он на меня особенно, ну обнял один раз нечаянно, ну погладил по щеке и обещал скоро вернуться, вот и все, но сердце щемило и было так больно и печально, что один раз я даже всплакнула вечером и уснула в слезах. На утренней планерке Маринка увидела мои припухшие глаза, отвела в сторону и прошептала:

– Это скоро пройдет, ты еще легко отделалась, у вас ведь ничего не было, одни поглядки. Сашка не любит клеток, а любовь – это ведь тоже клетка, хоть и не физическая, а эмоциональная. Когда Сашка чувствует, что дело пахнет клеткой, он сбегает. Никаких прощаний, никаких объяснений, просто просыпаешься однажды утром, а его нет, и нет его вещей в шкафу и ванной. Он собирает и уносит с собой все, что ему принадлежит, даже использованные бритвенные лезвия, как будто его никогда и не было в твоей жизни. Сначала это очень больно, но потом боль затихает, а после уходит совсем, так как ничего не остается у тебя от него, чтобы эту боль подпитывать. Сашка мужик умный, потому так и уходит. Потерпи, все скоро пройдет.

Плакать я перестала, но меня замучили эротические сны обо мне с Сашкой. И такие это были сны, что я просыпалась жаркая и мокрая от пота, и тяжело дышала, успокаиваясь и испытывая чувство ужасающего стыда за себя, как будто это я была виновата в том, что такие сны мне снились. Прямо ужас какой-то. К счастью произошло то самое событие, о котором я упоминала раньше. И такое это было событие, что вся фирма встала на уши, да что там наша фирма, весь город неделю об этом толковал, так как показывали это событие даже на местном канале телевидения в новостях региона, вот как.

Короче, Егор Палыч выполнил свое обещание и поставил Маринке памятник на клумбе. Перед открытием памятника он собрал нас всех в Конференц-зале, в котором отродясь никаких конференций не проводилось, а проводились семинары по контрактам и «разборка полетов», так сказать. Там он сказал нам речь о том, что за выдающиеся заслуги надо поощрять людей не только материально и поэтому он принял решение превратить нашу розовую клумбу в «Клумбу Звезд» нашей фирмы, так как, к сожалению, у нас нет места для «Аллеи Славы». Он также сказал, что недавно подписанный нами контракт с фирмой Клода Бове позволит нам жить без забот целых пять лет, и это все благодаря творческому подходу к своей работе известной всем нам Марины Витальевны Чемляковой. Поэтому она станет нашей самой первой «звездой» на «Клумбе Звезд». И пригласил всех пойти к клумбе на открытие памятника.

Маринка от всего этого растерялась, густо покраснела, когда ее начали поздравлять и хлопать по плечам, а наши мужчины обнаглели до крайности и стали требовать все громче и громче «накрыть поляну» по такому поводу. Егор Палыч подтвердил, что «поляна» будет и тетя Надя уже накрывает столы, но сначала надо идти к клумбе... и мы пошли. Там уже столпились какие-то люди, которые думали, что у нас намечается забастовка, стояли машины с телеоператорами и несколько фотографов щелкали какой-то предмет, закрытый то ли шторой, то ли салфеткой розового цвета и стоящий в высшей точке клумбы. Неподдалеку стоял небольшой колесный экскаватор с ковшем, застланным ковром и украшенным по краям зелеными ветками.

Совсем рядом с клумбой переминался с ноги на ногу местный художник и скульптор Фрол Щеголев, который ваял под псевдонимом Фрол Щегал. Говорили, что его картину

«Девушка в ночном небе» хотел купить за огромные деньги один Московский музей, но Фрол отказался, заявив, что его творчество принадлежит нашему городу, и подарил картину местному краеведческому музею, где она и находится до сих пор. Мы с Сонькой ходили смотреть.

На картине было изображено ночное небо в звездах и серпик луны, а на переднем плане летящая в небе девушка в длинном русском сарафане, расстегнутом на две пуговички сверху, так как грудь шестого размера явно в сарафан не помещалась. Девушка была в кокошнике, ее губки улыбались, на щеках были милые ямочки, и вся она была очень хорошенькая, пухленькая, как ванильная булочка, и такая же аппетитная. На плечах девушки лежало коромысло с двумя ведрами, из одного выглядывал красавец селезень, а в другом гордо красовался большущий белый гусь. В левом углу была почему-то нарисована серая коза с пучком травы во рту и выменем тоже шестого размера, вероятно, полным молока. Коза никуда не летела, а стояла как бы на ступеньке, готовясь к полету, наверное, ждала своей очереди. Под картиной была табличка с надписью, которая гласила, что картина написана по заказу директора птицеводческого комбината «Гуси-Лебеди» и передана музею на временную экспозицию. Народ, кучковавшийся возле картины, признал в девушке с коромыслом Алену Скворцову, секретаршу и по совместительству любовницу директора комбината, и кое-кто даже утверждал, что недавно появившаяся плешь на голове у директора была не последствием обычного облысения, а подарком от его жены.

Ну я продолжаю про памятник. Раскрасневшаяся Маринка и улыбающийся Егор Палыч залезли в украшенный ковш экскаватора, и водитель осторожно подвел ковш ближе к памятнику. Маринка дернула за веревочку, розовая шторка взметнулась вверх, Егор Палыч подхватил ее и бросил в ковш, народ ахнул. Водитель осторожно отъехал от клумбы и опустил ковш. Маринка и Палыч вылезли из ковша и пошли смотреть памятник. А смотреть было на что. На низком пьедестале, скрытым в розовых цветах, стояла наша собственная, фирменная, гипсовая Венера – Маринка Чемлякова.

Фрол Щегал изваял ее на совесть, даже хохолок на макушке стоял как живой. Маринка была в своей знаменитой кофточке, правда не в брюках, а в длинной юбке. В правой руке она держала толстенную книгу, наверное, словарь, а левую вытянула вперед, как Ленин на митинге, но ладонью вверх, а на ладони она держала звездочку, и звездочка эта светилась и переливалась, честное слово, по-настоящему светилась. Гипсовая Маринка улыбалась, подбородок ее был гордо приподнят, она смотрела на звезду на своей ладони, и ее невысокая фигурка, все 151 сантиметр без шляпки, как бы тянулась к этой светящейся звездочке. Фрол, конечно, как художник, не ахти, но талант скульптора у него есть. Так как он стоял рядом со мной, про талант я ему сказала. Фрол заулыбался от похвалы и сказал:

– Я ее на фотографиях только видел, вживую нельзя было, Егор Палыч не велел.

Мужчины хвалили Палыча, хвалили Фрола, собрались было качать Маринку, но она сбегала. В конце концов все уgomонились и вернулись в офис. Палыч пригласил всех в буфет, где уже была накрыта «поляна». Прискакала Сонька, которой я позвонила, притащила большой букет Маринке, расхвалила памятник, расцеловала Маринку, потом помолчала и сказала:

– Это так странно. Я первый раз в жизни вижу человека, которому поставили памятник, да еще при жизни, да еще с такой звездочкой. Как же она работает, там же нет электричества или есть?

– Там солнечная батарейка стоит, маленькая, но очень сильная, я уже спрашивала об этом, – сказала я.

– Мне самой все странно. Я теперь на работу буду ходить, а на клумбе тоже я. И приятно, и стыдно, люди пальцами будут указывать, – и что тогда делать?

– Как «что делать?», – захохотала Сонька, – подбородок приподнять, плечи отвести назад, живот втянуть, попу присобрать, улыбнуться... и пошла походкой от бедра, раскрепощенная

свободная женщина, у которой есть все, даже памятник. Старое кино смотреть надо, там есть советы на все случаи жизни.

Мы дружно захотели и отправились опробовать «поляну», накрытую тетей Надей по приказу Палыча в честь Маринки. А Саша так и не позвонил, и не приехал.

Глава 7

Егор Палыч все-таки молодец, побольше бы таких бизнесменов. Идея с памятниками звездам нашей фирмы необычная, конечно, но она будет срабатывать. Многим в офисе хочется стоять на «Клумбе Звезд», и значит, они будут работать изо всех сил, зарабатывая свою звездочку, и если угодят на клумбу, то будут прикладывать все усилия, чтобы там удержаться. Как экономист я подтверждаю, что стоимость такого подхода к мотивации сотрудников практически номинальная, ведь Фрол Щегал признан гением районного масштаба, а не всероссийского, значит и цену за работу просит божескую, зато эффект от его работы на наших сотрудников просто зашкаливает, сама видела. Быть Егор Палычу олигархом, это уж точно.

Мы сидели за столиком втроем, уплетали вкуснейшие «корзиночки» с разной начинкой, пили красное вино и говорили о том о сем, а потом Маринка спросила:

– Девчонки, а про Игоря ничего не слышно? Где он и как? Никто не знает?

– Я знаю, – тихо сказала Сонька, – он мне звонил, сказал, что все хорошо и они с Сашей разруливают ситуацию; а когда разрулят, он придет и мы быстро поженимся; и медовый месяц у нас будет далеко отсюда, где я буду плавать с огромными черепахами, а он будет меня фотографировать. И еще он сказал, что Саша про Фимочку спрашивает, как она, а я сказала, что хорошо, но только тоскует по непонятной причине. Фимочка, ты меня извини, пожалуйста, но видно было же, как он к тебе относится, и мне хотелось сделать ему приятное, он же за Игорешей присматривает.

– А я, кажется, знаю, где вы проведете свой медовый месяц, я там была со своим журналистом, правда всего лишь несколько дней, но впечатление осталось очень хорошее от поездки, – задумчиво добавила Маринка.

– Обалдеть... я твоя подруга с пеленок, у тебя от меня никогда секретов не было, а оказывается вот они секреты, и я тебя совсем не знаю, – так получается? Удивила ты меня, Софи Кузо, и не просто удивила, а заставила меня увидеть нашу дружбу с другой стороны, – с обидой в голосе сказала я.

– Брось занудствовать, Серафима, любовь дело глубоко личное и некоторыми ее аспектами делиться не рекомендуется ни с родной матерью, ни с ближайшей подружкой, – сказала Маринка и продолжила, – вы лучше остороженько посмотрите на столик слева с двумя пареньками. Я их раньше у нас не видела и мне кажется, что наш разговор их очень интересует. Тот, кто в сером пиджаке, послал и получил уже два текста по мобильному, и все время косится в нашу сторону, а тот, кто в свитере, выходил из зала и его не было 17 минут, для туалета и сигареты – это долго, – так куда это он выходил и зачем? Так что кончаем болтать, допиваем вино и по домам, а то у меня беспокойно на душе.

Ничего себе... обмывали Маринкин памятник, а она, оказывается, не забывала глазами по сторонам зыркать и все замечать. Все-таки прирожденный сыщик – он и в Африке сыщик, и Маринка, наверное, на своей собственной свадьбе будет все замечать и отмечать, но после ее слов мне тоже стало беспокойно на душе, так что пора домой, а уж дома я Соньку допрошу с пристрастием. Но надо же, значит, Сашка про меня спрашивал, а позвонить мне трудно было? Предлогов разных уйма. Может, ему тоже сны снились такие же, как и мне? Ох, Господи, стыдно даже вспоминать, что я во сне с ним вытворяла, у меня при одном воспоминании мурашки по коже и судорога в животе. Так, вдох и медленный выдох, и еще раз, ага, уже другое дело.

Мы допили вино, помахали всем оставшимся ручками и пошли к стоянке машин. У клумбы остановились и посмотрели на гипсовую Маринку. Вечер еще был ранний, но уже темнело, и звездочка в Маринкиной ладони светилась ярко и весело и освещала не только саму статую, но также и розовые бегонии на клумбе. Если честно, это было очень красиво.

Мы расцеловались, прощаясь, и пошли каждый к своей машине. На подходе к моей я нажала кнопку, выключая сигнализацию, и моя «ласточка» привычно пикнула и замигала фарами. Я протянула руку, чтобы открыть дверь, но за моей спиной мужской голос вдруг спросил:

– Девушка, а девушка, а как вас зовут?

Я хотела сказать: «Федя», но не успела. Мужчина схватил меня одной рукой за шею и крепко прижал к себе, а второй рукой он поднес дурно пахнущую тряпку к моему лицу. Я пыталась брыкаться и ударить его каблуком по голени, как меня учили на курсах самообороны, но не получилось, я не могла дышать, мне не хватало воздуха, а когда попробовала вдохнуть вонючий воздух через тряпку, то провалилась в темноту, в небытие, и больше ничего не помню.

Очнулась я в каком-то помещении с двумя крохотными окошками под самым потолком. Все было очень чистое; стены, пол и потолок обиты деревом; хорошо пахло кедром, а я этот запах знаю отлично, потому что у меня встроенный гардероб в спальне обит кедровыми досками изнутри от моли и всякой летающей и ползающей нечисти. Комната была большая со встроенным в потолок эффектным освещением в виде виноградных листьев и ягод, у стен стояли или лавки, или лежанки, на полке куча сложенных банных простыней и халатов, поэтому я решила, что нахожусь в предбаннике. В комнате было три двери, одна, вероятно, вела в баню, а вторая, на противоположной стороне, скорей всего, вела наружу. Третья вела неизвестно куда, я считаю, что за ней, наверное, туалет. Все двери были закрыты. У меня очень болела шея, неприятно жгло в легких и щипало горло, болели руки и ноги, очень хотелось пить и наоборот...

Я хотела встать с пола, где лежала на тонком матрасе, но ничего не получилось. У меня были связаны руки и ноги, но упираясь пятками в матрас, я смогла поменять свое положение из полностью лежачего в полусидячее. Это не было удобно, но давало больший обзор, и я внимательно огляделась. В нескольких метрах от меня на матрасах лежали Сонька и Марина. Они еще не пришли в сознание, и тоже были связаны. Стыдно признаться, но я была рада их видеть – одной страшно, а вместе легче. В другой стороне предбанника стоял большой холодильник и неподалеку громадный стол и лавки по длине стола. За столом сидел парень в свитере, а перед ним бутылка пива, стакан и тарелка с бутербродами. Парень сосредоточенно пил пиво, заедал бутербродом и с интересом следил за моими передвижениями.

– Привет, Ангелок, – сказал парень в свитере, – ты там поменьше ерзай, а то задницу натрешь, а она у тебя на все сто – небось, приятель твой любит за нее подержаться. Я бы и сам не отказался, – дашь подержаться-то, Серафима? Да не бойся ты так. Мы не бандиты, уродовать не будем, допрашивать не будем, девки вы красивые, если сами приласкаете, не откажемся, но насиловать не будем. Не будете рыпаться, так мы вас даже развяжем, но отпустить до окончания дела не сможем. Вы у нас заложники.

Я невольно вздрогнула и сжалась на матрасе, а парень довольно заржал.

– Я не буду рыпаться, развяжите меня, пожалуйста. Мне в туалет надо и пить тоже очень хочется, в горле пересохло так, что даже говорить больно, – просипела я.

Парень в свитере встал, подошел, внимательно посмотрел мне в глаза, потом достал нож и разрезал веревку на моих руках и ногах. Боль от восстанавливающегося кровообращения была такой сильной, что я застонала, а парень начал без слов растирать мои запястья и щиколотки. Закончив, он помог мне встать и показал пальцем на одну из дверей,

– Туалет тут, когда вернешься, дам воды.

В туалете я быстро сделала, все, что было нужно, а потом хорошенько вымыла руки и смыла косметику с лица. Неизвестно, что случится с нами, без косметики мне будет удобней. А как спастись, мы придумаем, главное – понять, что именно им надо и почему для этого нужны заложники.

Когда я вернулась в предбанник, парень в свитере уже накрыл на стол, так сказать. Там стояли стаканы, несколько бутылок с водой и пивом, бутерброды с колбасой, сыром и красной икрой, а в сторонке на подносе – чайные чашки, заварной чайник, вазочка с вареньем и коробка конфет, на тумбочке около стола закипал электрический самовар.

– Ух ты, – сказал парень, – а ведь ты без косметики еще красивой, повезло Никитину. Давай быстренько пей воду, а потом иди подружек развязывать. Они уже давно очнулись, но притворяются, особенно вон та с хохолком на макушке. Девушки, я уверен, что вы слышали, что я сказал Серафиме, но если не слышали, то мне нетрудно и повторить. Если будете вести себя хорошо, то вам ничего не грозит. Допрашивать вас нам не надо, мы и так все знаем уже. Вы нам нужны только в качестве заложников. Бежать вам не советую, это охотничий домик нашего хозяина, он далеко от города и глубоко в лесу, а в лесочке много живности, есть и волки, и медведи, и даже рыси. Вы можете посмотреть эти охотничьи трофеи нашего хозяина, они по всему дому развешены и разложены. А пока иди, Серафима, режь оковы у своих подружек, им поди тоже в туалет надо.

Я взяла со стола нож и отправилась к Соньке, она была ближе ко мне. Веревки на ней не было, но она была обклеена клейкой посылочной лентой. Я разрежала ленту на ногах и руках, осторожно сняла ее с кожи, но Соньке было больно, и она шипела и ругалась тихонько. Я помогла Соньке встать и отправила ее в туалет. Потом подошла к Марине, срезала и сняла клейкую ленту с ее рук и ног. Маринка тоже отправилась в туалет. Через несколько минут мы сидели рядышком на лавке, пили чай и ели бутерброды. А потом Маринка сказала парню в свитере:

– Это очень хорошо, что вы все знаете и допрашивать нас не собираетесь, потому что мы ничего бы не сказали по той причине, что мы сами ничегошеньки не знаем. Мы не знаем, что сделал Игорь Максимов и почему он изображал труп в багажнике Сониной машины. Мы не знаем, почему он спрятал бумажку под плинтусом у Сони в квартире и что означают эти цифры и буквы на бумажке. И мы не знаем, что связывает Игоря Максимова и Александра Никитина. И лично я не понимаю, почему МЕНЯ взяли в заложники. Ладно, в Серафиму влюблен Никитин, взять ее в заложники – значит иметь возможность контролировать Никитина. Соню любит Максимов и даже хочет на ней жениться – значит, можно контролировать Максимова, взяв Соню в заложники, – но я-то вам зачем?

– Дорогая Марина Витальевна, Олег не сможет ответить вам на ваши вопросы, но я смогу, – глубоким баритоном сказал кто-то за нашей спиной.

Мы резко повернулись и увидели, что в предбанник вошли парень в сером пиджаке и пожилой мужчина в дорогом спортивном костюме.

– Видите ли, все очень просто, дело заключается в том, что...

Глава 8

Этот немолодой мужчина в дорогом спортивном костюме выглядел примерно лет на пятьдесят пять или чуть меньше. Вполне интеллигентное лицо, умные глаза, ничего зверского или бандитского, только видно, что он либо устал на работе, либо не выспался. Когда он сказал, что может дать ответы на Маринкины вопросы, его глубокий уверенный баритон не оставлял никаких сомнений в том, что он нам все, или почти все, объяснит и ответы Маринка получит, ну и мы соответственно тоже.

– Все очень просто, – сказал он, – дело в том, что Игорь Максимов не только талантливый программист и аналитик широкого профиля, он еще и гениальный хакер с уникальными способностями. Эти свои способности он применил против моих друзей – людей богатых, уважаемых и влиятельных. Вы спросите, что он сделал? Он увел у них со счетов 40 миллионов английских фунтов. Конечно, это мелочь по сравнению с тем, что было на этих счетах, но здесь дело в принципе. Игорь показал свое неуважение к моим уважаемым друзьям. Он мог бы увести со счетов гораздо больше, но увел всего лишь 40 миллионов, и мои друзья сочли это оскорблением их чести и достоинства, а также причинением ущерба их деловой репутации. Помилуйте, ведь люди могут подумать, что они всего лишь миллионеры, а это, извините, уже более низкий уровень деловой классификации, ведь то, что может сделать миллиардер, не под силу простому миллионеру. Украд всего лишь 40 миллионов фунтов, Игорь Максимов случайно или намеренно запустил ложную информацию о финансовом статусе моих друзей со всеми непредсказуемыми последствиями.. Более того, Игорь ведь взломал новейшую, надежнейшую, уникальнейшую японскую защиту банковских систем, и даже необдуманно оставил свой комментарий, в котором насмешливо оценил качество защиты: «Еще не придумали японцы ничего такого, что русские не смогли бы сломать». Вот ведь что написал, проказник. Но вы же знаете японцев и их культуру чести, так вот такой оскорбительный комментарий означал для них потерю лица, и два программиста и аналитик покончили жизнь самоубийством после того, как содержание комментария стало им известно.. Далее, вам вероятно не известно то, что Александр Никитин, младший партнер хозяина фирмы «Строймаш», является также единственным владельцем широко известной в узких кругах хакерской фирмы «Барабашки», которая совершенно легально взламывает защитные системы, которыми пользуются различные финансовые и правительственные учреждения, по заказам этих самых учреждений. Они проверяют эти системы на эффективность. И даже сами разработчики таких систем пользуются услугами ребят и девочек из «Барабашек» для поиска возможных дефектов в дизайне, мелких ошибок, и так далее, которые они сами могут нечаянно пропустить по причине «замысленных» глаз. ... Проказы нашего молодого Игоря сильно ударили по репутации Никитина и его «Барабашек», так как они сами взломать защиту не смогли и положительно характеризовали японскую систему как практически не поддающуюся всем известным методам взлома. Никитин немедленно приехал в наш город, чтобы найти Игоря и увести его к себе в Москву... К сожалению, судьба сыграла небольшую шутку с Никитиным. Наш душа Александр неожиданно для самого себя глубоко и сильно увлекся вами, Серафима Олеговна. Если человек влюблен, его не трудно заставить сделать то, что он отказывается сделать, для этого нужно только, чтобы он поверил, что предмет его любви или страсти может быть убит или изуродован. Нам нужен Игорь Максимов, и мы надеемся, что с вашей помощью мы его получим... То же самое и в вашем случае, милая Софи. Вы же невеста Игоря, и он вас очень любит, а значит и скажет нам то, что мы хотим знать. А вот Мариночка попала к нам по другой причине. Ее машина была всего в нескольких метрах от машины Софи, нам пришлось похитить и вас, Марина, чтобы не дать вам возможности поднять тревогу. Вы уж извините моих мальчиков, пожалуйста. У них просто не было выхода.

Считайте себя моими гостями, пока вы здесь. Я верю, что все вопросы будут решены положительно и очень быстро, и вы сможете вернуться домой.

– Я, кажется, вас знаю, – вдруг воскликнула Марина, – вы Юрий Михайлович Кнутов, наш депутат.

– Ой, неужто Юра Кнут, – заверещала Сонька, глядя на Маринку, – я с его женой Анжелкой приятельствую. Она все процедуры у меня проходит, недавно записалась на бразильскую эпиляцию и лекарственную подтяжку задницы. Так она говорила, что Юра мужик хороший, только жадноват, наверное, сказывается бедное детство. Ой... я что-то не то говорю, да?

– Да что вы, Сонечка, все нормально, – недобро улыбнулся Юрий Михайлович, он же Юра Кнут, – вы пейте чай, вам потом обед принесут, ребята сейчас баньку затопят, пока то да се, она согреется, и вы потом помоеетесь и попаритесь от души. Постельное белье, одеяла, подушки и туалетные принадлежности вам тоже принесут. Если что еще нужно, то вот у выключателя шнур висит, – видите? Дерните за шнур и посмотрите на потолок, когда там зажжется зеленая лампочка, скажите, что вам надо, если зажжется красная лампочка, ничего не говорите, ждите, когда к вам придут, тогда и скажете. А я, пожалуй, пойду звонить Анжеле, пусть едет сюда на подтяжку задницы, нужное лекарство я сам найду.

Мужчины вышли, Сонька с овечьим выражением на лице глядела на Марину, Марина повертела пальцем у виска и вздохнула. Я же ни того, ни другого делать не стала. Соньку я знала, как облупленную. Если у нее овечье выражение на лице, значит – она задумала нечто интересное, тем более что специально дала понять Юрию Михайловичу, что о его прошлом ей тоже известно. Лет тридцать назад Юру Кнута знали и боялись в нашем городе. Кнут получил свое прозвище не от своей фамилии «Кнутов», а потому что мастерски владел цыганским кнутом. Яблоко на тарелке мог разрубить на четвертинки, не разбив тарелки. Ножа не носил с собой, только кнут за ремешком джинсов. В драке полосовал кнутом противников так, что кожу срывал у них со спин. Говорили, что одного он даже оскальпировал. Убить не убивал, это правда. Раза два сидел в тюрьме, и каждый раз его выпускали раньше срока за хорошее поведение, так сказать. И грабежом, и рэкетом не брезговал, банду свою сколотил потом, но чем они занимались, неизвестно.

А потом он исчез из города и появился лет пять назад. Свой бизнес начал, все у него получилось быстро, попер вверх, как на дрожжах. Женится на Анжелке, продавщице из супермаркета. Она хорошая деваха, добрая, хозяйственная, ласковая, мужа вправду любит, родила ему дочку – и Юра размяк. Анжелку и дочку Лилечку обожает. Но и правда, девочка такая красивая у них родилась, танцевать любит. Анжелка ее на классы балета водит три раза в неделю. Пока та танцует, Анжелка у Соньки процедуры принимает, ну и болтают они, конечно, о том о сем. Если Анжелка сюда приедет, найдем способ ее увидеть и узнаем, что сейчас делается в городе. Ну не может быть, чтобы наше исчезновение никто не заметил. Мы с Маринкой не на работе, ушли после обмывки Маринкиного памятника и исчезли, то есть сегодня на работе не появились. А у Соньки жена мэра нашего записана на окраску, мелирование и укладку прямо с утра завтра. Если Сонька не придет, она же мужа своего, мэра, на уши поставит. Она только Соньке свои волосы доверяет. Только Сонька может превратить тонкие жидкие пряди ее волос в роскошную пышную гриву. Они там свой личный праздник вечером собирались праздновать в нашем лучшем ресторане. Не обойтись ей без Соньки.

И вообще, влипли мы в странную историю. «Чем дальше, тем страньше», так говорила одна девочка по имени Алиса, и я с ней согласна полностью. А Сашка, значит, глубоко и сильно мной увлекся, и я его «Ахиллесова пята»? Ну так это хорошо или плохо? Ага... кажется, несут обед, ой, как вкусно пахнет!

Сашка, значит, в меня влюбился... ну ладно... Пусть только приснится сегодня, паразит, я ему устрою передачу энергии на расстоянии!..

Глава 9

Если бы не мысли о том, что мы заложники, запертые в самом настоящем предбаннике и не имеющие никакого контакта с внешним миром, я бы сказала, что вечер у нас был просто замечательный. Кормили вкусно, все необходимое предоставили, даже большой монитор принесли с плеером и целую стопку дисков со старыми советскими комедиями. А потом появилась Анжелка, слегка растрепанная, слегка покрасневшая, слегка заплаканная, но хохочущая, с двумя бутылками шампанского, коробкой конфет и большущим арбузом в руках. Шампанское с арбузом? Ладно, попробуем.

– Девчонки, как же здорово, что вы здесь. Юрка ведь меня обманул, представляете? Сказал, чтобы скорей приезжала и что у него в гостях косметичка из Америки, и машину за мной прислал. Я и повелась, как дурочка. Дочку к бабушке, сама сюда, по дороге в супермаркет заехала, шампанского и конфет американке купила в подарок, а арбуз Юрке – он любит. Хорош арбуз, правда? То ли узбекский, то ли таджикский или казахский, ну в общем, из наших бывших республик, не из Бразилии. Вот стукнешь по нему, а он прям звенит от спелости. А бразильский я раз купила, так и выбросила, ни вкуса в них, ни сладости, одна вода. Вот пусть их бразильцы и бразильки и едят, а у нас свои есть, получше. Ну что, начнем?

– Подожди, не торопись ты так, – засмеялась Маринка, – у нас баня нагревается, уже нагрелась, наверное.

– Ох ты, мама моя, – заохала Сонька, – я же и забыла про баню. Там как, ничего не перегрется и не взорвется?

– Нет, у нас баня очень хорошая, за ней уход постоянный. У Юрочки спина болит часто, застудил в тюряге последний раз, так ему без бани никуда. У нас наверху еще и сауна маленькая есть, чтобы спину быстро прогреть, если прихватит, но он баню больше уважает. Пошли париться тогда, девчонки, а шампанское и арбуз в холодильник.

– Анжел, а никто из охраны не припрется вдруг в баню? – спросила Сонька и передернула плечами. – А то мне беспокойно.

– Нет, Сонечка, не бойся. Юрка им мозги вышибет, если посмеют посмотреть на меня голую, а в придачу там, в бане, внутри защелка на двери есть.

И мы отправились в баню. За дверью находился еще один небольшой предбанник, где можно было раздеться и повесить одежду, скамья, на которой стояла корзинка с новыми, еще в упаковках, губками и мочалками, шампунями и кусками белого мыла, большой стопой лежали полотенца, в углу маленький столик с большим графином то ли малинового, то ли вишневого морса или компота, и стопка бумажных стаканчиков. А уже из этого малого предбанника открывалась дверь в саму баню.

Интересная это была баня, я бы назвала ее осовремененной стариной – деревянные стены и тут же кафельный пол с красивой мозаикой вокруг водостока, лавки по стенам, трехступенчатый деревянный полок парилки и каменка тут сочетались с хромом кранов для холодной и горячей воды, а на широкой лавке стояли металлические тазы с ручками. Я такие однажды в старом кино видела. Кажется, тазы назывались там шайками.

В этой бане также стояли два больших деревянных бочонка с водой: в одном плавали какие-то листья, а в другом мокли три веника. Вода с листьями была холодной, а с вениками – горячей. В бане было очень жарко и хорошо пахло травами или цветами. Анжелка подошла к бочонкам, из того, в котором плавали листья, вытащила ковшик и плеснула его содержимое на каменку. Каменка зашипела, и ароматный пар ударил в нашу сторону. Мы дружно взвизгнули.

– Ну, девчата, сначала отмываемся, потом паримся, потом опять отмываемся, потом кто как хочет, – весело сказала Анжелка и начала наполнять свой таз горячей и холодной водой.

Мы последовали за ней. Ну как же здорово мыться в бане, никакая ванна не сравнится с баней, а уж душ и подавно. Мы мылись и парились, и обливались холодной водой и горячей. Вениками никто из нас, кроме Анжелки, не умел пользоваться, поэтому она нас хлестала, не жалея, и извела на нас все три веника. И все время подливала и подливала душистую воду на каменку. В воде этой, оказывается, была мята и эвкалиптовый настой для очистки легких. Мы ахали и охали, хохотали и повизгивали, и чувствовали себя абсолютно счастливыми, как будто отмывали от грязи не только тело, но и душу. Сонька не выдержала и принесла в баню графин с морсом и бумажные стаканчики. Мы глотали вкуснейший, прохладный малиновый морс и не могли напиться, пот лился с нас ручьем. Наконец, мы последний раз помылись, сполоснулись холодной водой, вытерли наши красные распаренные тела полотенцами, завернулись в толстые пушистые халаты и поползли к себе в большой предбанник. Шампанского с арбузом не хотелось, разговаривать не хотелось, хотелось просто лежать и наслаждаться чистотой своего тела, не просто чистотой, а совершенной чистотой. Мысли медленно текли в голове и так же медленно утекали, а сердце ровно и сильно билось в груди, и я чувствовала себя как никогда живой. Когда я разбогатею, у меня тоже будет своя баня.

Маринка томным голосом спросила у Анжелы, знают ли в городе о нашем похищении, и полусонная Анжела ответила, что слишком мало времени прошло, никто ничего не говорит, по крайней мере – она не слышала. А на работе, наверное, думают, что мы так хорошо обмыли Маринкин памятник, что теперь нам надо отдохнуть.

Наверное, я уснула, потому что снова увидела Сашку. Он сидел на полу, держал мою руку и целовал мои пальцы или, может быть, просто прикасался к ним губами. Это было приятно и щекотно. Я улыбнулась ему и спросила:

– А почему, когда ты уезжал, Соньку и Маринку поцеловал, а меня нет?

– Потому что, если бы я тебя поцеловал, мне было б трудно уехать.

– Ты что, меня любишь?

– Я не знаю, Ангелочек, любовь ли это, но мне хочется быть с тобой рядом. Ты вошла в мою жизнь без приглашения и все в ней изменила. Мне перестало нравиться то, что нравилось раньше, я перестал хотеть того, что хотел всегда. Это так странно, и это меня пугает. Ты мое глупенькое, маленькое счастье, а может, и наказание, но другого мне уже не надо. Пусть все будет как будет.

И он встал и ушел, а я проснулась. Ну надо же, какой хороший сон. Я села в своей постели и оглянулась вокруг. Сонное царство, иначе не скажешь. Маринка, хоть и в халате, но залезла под одеяло, Сонька спит на боку, свернувшись калачиком, а Анжелка спит на банных простынях и даже слегка похрапывает. Самовар, что ли, поставить? И что сейчас: ночь или еще вечер? Я передвинула ноги с лежанки на пол, и моя левая ступня коснулась чего-то влажного и мягкого, неужели мышь? Интересно, тут есть мыши? Я осторожно глянула на пол... Никакой мыши там не было, а была небольшая круглая коробочка, а в ней влажный зеленый мох, а на нем белый цветок. Похож на розу, но не роза вроде бы. Крышка от коробочки лежала неподалеку. Мое сердце ухнуло вниз. Было ясно, что цветок для меня, – но от кого? Неужели я и вправду говорила с Сашей? И он здесь, рядом? Значит ли это, что он «разрулил» все, что нужно было «разрулить»?

Я подняла коробочку с цветком с пола, хотела поставить на стол, но передумала и задвинула подальше под лежанку. Я подумаю обо всем позже, а сейчас... ну за каким фигом он этот цветок оставил, зачем? Если бы не цветок, я бы порадовалась хорошему сну, а теперь вот мучайся тут, как будто иглу в душу воткнули. Кого винить? Наверное, во всем виноват Егор Палыч. Это же он попросил Сашку проводить меня домой. Он попросил, а у Сашки теперь жизнь меняется, да и я не пойму, чего хочу. Была раньше какая-то определенность в жизни, было все как у всех, а теперь мне страшно. Меня очень тянет к нему, но внутри меня звонят колокола, и интуиция кричит: «Беги, беги, он опасен...» Ну и что теперь делать? Бежать или

сдаваться? Я бы, может, и сдалась, но ведь он всерьез не осаждаёт, а просто так сдаваться и не интересно, и стыдно. Вот она наша женская проблема! Ладно, ложусь спать, если нужна буду, то разбудят.

Глава 10

Проснулись мы от грохота в дверь. За дверью орал Олег, ну тот, что раньше в свитере был: – Девчонки, кончай дрыхать! Петушок пропел давно! Вставайте быстрее, умывайтесь, одевайтесь, ехать пора. Кончилось ваше заключение, свобода зовет! Как вы там, в приличном виде или нет? Хозяин к вам собирается зайти, поговорить надо.

– Будем готовы через двадцать минут, – заорала Маринка в ответ.

Мы быстро повыскакивали из постелей, скинули халаты, оделись в свою одежду, умылись, кое-как причесали волосы, зубы почистить было нечем, к сожалению, но ничего, дома почистить можно. Я вдруг сообразила, что Анжелки в предбаннике нет, и проверила холодильник. Шампанское осталось, но арбуз исчез. Понятно... Анжелка проснулась и потопала спать наверх к мужу под бочок, а арбуз захватила, чтобы задобрить его, если он все еще злой. Недалом же у Анжелки были заплаканные глаза, когда она у нас появилась. Юрию Свет Михайловичу не понравилось, что его жена говорила о нем Соньке, вот он Анжелке и выдал по первое число, хорошо, если только словами. Хоть он сейчас бизнесмен и депутат, но Юра Кнут еще живехонек в Юрии Михайловиче Кнутове, судя по той улыбке, которой он вчера Соньку одарил.

Мы были готовы раньше оговоренного срока и сели за стол, чтобы выпить хотя бы минералки перед приходом Кнутова, но в дверь постучали и вошел Олег с подносом в руках. На подносе стоял большой кофейник, кувшинчик со сливками и две плетенки, накрытые салфетками, а под салфетками были домашние пирожки, как говорится, с пылу с жару. Пирожки пахли так вкусно, что Маринка задергала носом, что она делает только в исключительных случаях, когда перед ней стоит блюдо с ее любимой копченой рыбой.

– Ешьте, девчонки, тут с мясом и с яблоками, но какие где, я позабыл, а в кофейнике не кофе, а шоколад. Наша повариха сказала, что горячие пирожки и горячий шоколад – самое то для вас в настоящий момент, – сказал Олег и улыбнулся.

Мы отдали должное и пирожкам, и шоколаду, и даже Сонька, которая вечно сидит на разных диетах, стыдливо прожевывая третий пирожок, прошепелявила, что после стрессовых ситуаций сладкое помогает восстановиться нервной системе, а у нас был сильный стресс. Мы только успели допить шоколад, как в предбанник без стука вошел Кнутов и парочка парней в костюмах и галстуках, наверное, охрана. Кнутов посмотрел на нас, улыбнулся и сказал:

– Все закончилось благополучно, все живы и здоровы, и все проблемы решены, как я и предполагал ранее. Вас, Сонечка, отвезут прямо в ваш салон, через два часа у вас будет клиентка, если помните, и нужно время, чтобы все подготовить к ее приезду. Вашу машину вчера перегнали к вашему дому, но не беспокойтесь, ее подгонят к салону, вымытую и вычищенную. Вас, Мариночка, отвезут домой, ваша машина на вашей обычной стоянке возле дома. А вот за вами, Серафима Олеговна, приедет Александр Васильевич Никитин, так как он выразил желание самому отвезти вас домой, и у меня нет причин ему в этом отказывать. Я надеюсь, вы не возражаете. За исключением того, что я всего лишь на двое суток лишил вас всех свобод, надеюсь, что вы не можете упрекнуть меня в плохом к вам отношении. Конечно, я поместил вас в предбаннике, но у меня не было другого более подходящего помещения. Всего вам доброго, милые девушки, не поминайте лихом! Да, чуть не забыл, Сонечка, прошу вас никакой подтяжки Анжеле не делать, даже если она будет вас умолять, у нее это место сейчас в полном порядке.

Когда они вышли из предбанника, мы переглянулись и Маринка сказала:

– Да, Серафима, здорово в тебя Сашка втюрился, если сам тебя отсюда забирает, а Кнутов тебя по имени-отчеству величает во избежание возможных проблем и трений с Никитиным. Ты там не особенно расслабляйся, Никитин очень и очень непрост.

Я не успела ответить, потому что зашел один из парней, чтобы забрать Соньку и Марину. Мы обнялись, и они быстро пошли вверх по лестнице. Оказывается, наш предбанник и баня находятся в подвальном помещении, то-то окошки здесь под самым потолком. Сонька с Маринкой еще уехать не успели, а я уже затосковала. Мне показалось, что я одна во всем свете, заключена в предбаннике, как Граф Монте-Кристо в замке Иф, и так и скончаюсь здесь, потому что подкопы делать не умею. И однажды холодной ветреной ночью Юра Кнут с друзьями завернут мой труп в мешковину и выбросят в реку или закопают в овраге. От жалости к самой себе я заплакала. Из глаз полились слезы, да такие, что и не остановить.

Я стояла посреди предбанника, закрывала лицо руками и плакала, как полная идиотка. И тут дверь открылась, и вошел Саша. Я не знаю, что он подумал, но только испуганным голосом спросил, не обидел ли кто меня, подошел, обнял и крепко прижал к себе. От его рубашки приятно пахло, он был теплый, а руки так просто даже горячие, и мне было так хорошо, что я снова заплакала, уткнувшись носом ему в грудь. И тут он начал меня целовать в голову, лоб, глаза, щеки, шею, а потом в губы. И поцелуи эти жалили меня как укусы, да так, что у меня перехватывало дыхание и начали подкашиваться ноги. Я испугалась. Он не целовал меня, он присваивал и клеймил. Не было нежности или любви в его поцелуях, и я чувствовала непонятный страх. Мне казалось, что та часть меня, куда он меня поцеловал, больше уже не принадлежит мне. Мне казалось, что каждый его поцелуй выжигал мне кожу. Я резко его оттолкнула и посмотрела ему в лицо. Темный румянец на щеках, но ровное дыхание и тяжелый взгляд исподлобья. Он не убрал своих рук с моих плеч, просто стоял и смотрел.

– Саша, ты что, любишь меня? – храбро спросила я и посмотрела ему в глаза. Он не отвел взгляда, только слегка усмехнулся полупрезрительной усмешкой.

– Почему вы, женщины, всегда задаете дурацкие вопросы и всегда в неподходящий момент, а потом страдаете, плачете, упрекаете? Ты хочешь знать, люблю ли я тебя? Так я отвечу, пожалуйста. Нет, я тебя не люблю! Тебе стало легче? Я тебя не люблю, но ты родилась для меня. Я это понял, когда тебя увидел в первый раз. Все очень просто. Ты любишь свою руку или ногу? Да нет же, тебе это и в голову не приходило, это просто твоя нога и твоя рука, но если тебе отрежут ногу, например, ты будешь чувствовать боль и неудобство от ее отсутствия, не сможешь функционировать, как раньше, не сможешь бегать, прыгать и так далее. Вот такое чувство испытываю я, когда тебя нет рядом. Мне больно и неудобно жить. Можно, конечно, поставить протез, но хромота останется, она не исчезнет, потому что это не моя нога – ты понимаешь?

Меня бросило в краску от унижения и от этой его полупрезрительной усмешки, и от этой его лекции. Какая же я дура! Ведь сказала же мне Маринка не расслабляться, потому что Сашка совсем не прост и клетки ненавидит, а я лезу с глупыми вопросами, потому что люблю ясность во всем. «За что боролась, на то и напоролась», как говорил мой дед давным-давно, рассказывая про развал страны. В погоне за ясностью я получила словесную пощечину и унижение. Какая там, к черту, рука и нога, твоя, не моя... хорошо еще, что с кишечником не сравнил, без кишечника тоже ведь непросто жить.

– Цветок в коробке ты принес?

– Я.

– Зачем?

– Он мне понравился. Заканчивай с вопросами, пора ехать.

Мы поднялись вверх по лестнице, и я с любопытством огляделась. Ничего особенного, обычный дом типа шале, и везде, где нужно и не нужно, развешаны и разложены охотничьи трофеи хозяина. Мы вышли наружу, перед домом стоял Сашкин джип, почему-то очень грязный. По болотам, что ли, его носило? Да, далековато от цивилизации, до города езды не меньше часа будет на Сашкином джипе, но надо отдать должное Кнуту. Свой «охотничий домик» он

оборудовал с удобствами. И вода здесь у него своя из скважины, и электричество тоже свое, вон турбина ветряная на бугорке, да и в сарайчике негромко тарахтит что-то, движок, наверное.

Мы сели в джип и всю дорогу до моего дома молчали. Я смотрела в окно и не смотрела на Никитина. Вроде бы радовалась, что еду домой, но в то же время испытывала странное чувство неудовлетворенности и пустоты в душе. С чем это было связано? С тем, что он не сказал мне, что любит, а сказал, что я принадлежу ему, и намекнул, что он испытывает ко мне те же чувства, что и к своим ногам, рукам и мочевому пузырю? Ну то есть, когда их нет, без них плохо, а когда они есть, их не замечаешь. О'кей, про мочевой пузырь он не говорил, но это же подразумевается по его логике.

Когда Сашка остановился около моего подъезда, я сказала «спасибо» и вышла из машины.

– Подожди, я провожу, – негромко сказал он.

– Не надо, спасибо.

– Ангелочек, ты меня лучше не доставай. Я сказал, что провожу, значит провожу, и никаких возражений, пожалуйста.

Я пожалала плечами и вошла в подъезд, Сашка следовал за мной. Забравшись наконец на мой пятый этаж, я первым делом проверила Сонькину дверь. Она была закрыта и выглядела как обычно. Я подошла к своей двери, открыла дверь ключом и хотела войти, но Сашка оттолкнул меня в сторону и вошел первым. Я последовала за ним. В квартире было слегка душновато, потому что окна были закрыты, но чисто, короче, как обычно, ведь мое отсутствие было недолговременным.

– Ангелочек, свари мне кофе... пожалуйста, устал, не спал всю ночь, боюсь заснуть за рулем.

– Слушай, не зови меня Ангелочком и Симочкой тоже не зови, терпеть не могу, когда меня так называют.

– А как же тебя называть?

– Ну, Серафима или Фима, в крайней случае – Малинка.

– Малинка? Почему Малинка?

– Потому что ягодка.

– Господи боже мой, поясни для особо тупых, причем тут ягодка?

– Потому что моя фамилия Ненашева, если ты помнишь, вот в школе мальчишки и прозвали «Не нашего поля ягодка», а потом сократили до «Ягодки», а после превратили в «Малинку», ну знаешь, как в песне какой-то или частушке – «ягодка-малинка».

– Дела... – фыркнул Саша, – но мальчишки правильно тебя называли, ты ягодка не с их поля, это точно. Значит, договорились, буду звать тебя Малинкой, а хочешь Мальвинкой буду называть за твои длинные волосы.

И он снова фыркнул.

– У Мальвины были голубые волосы, а я свои красить для тебя не собираюсь.

Сашка вдруг захохотал так весело и заразительно, что я не удержалась и захохотала тоже. Потом я сварила кофе, достала коробку с зефиром, печенье и поставила на стол.

– Угощайся, Никитин, кофе крепчайший, может молока добавить? – сказала я подобревшим голосом.

Сашка кивнул, я достала молоко, налила в молочник и поставила молочник рядом с ним. И мы стали пить кофе и заедать его подсохшим зефиром, время от времени переглядываясь и улыбаясь.

Глава 11

Мы пили кофе, ели зефир и печенье, переглядывались и улыбались. Потом зазвонил его мобильник, и Саша ответил. Новости, вероятно, были хорошие, потому что сначала Сашка просто хмыкал, потом начал тихо смеяться, а потом хохотать в полный голос. Меня раздирало любопытство, и я никак не могла дождаться, чтобы расспросить Сашку, что такого смешного ему рассказали. После того как разговор закончился, Сашка положил телефон на стол и сказал:

– Тебе привет от Егор Пальча. Он сказал, чтобы ты сегодня отдыхала, а завтра на работу, как штык. Теперь давай чаю погоняем, а лучше всего дай мне поесть, я голодный как волк. У тебя суп или борщ есть?

– Ни супа, ни борща в меню сегодня нет в связи с отсутствием повара на рабочем месте, но есть яйца, помидоры, сыр, сладкий перец и хлеб. Из этого набора могу сделать парочку вполне съедобных блюд. Подойдет?

– Еще как! Ты давай готовь, а я тебе расскажу, о чем мне Пальч поведал. Значит, так: Маринка, приведя себя в порядок, явилась на работу счастливая и довольная. Ее узнавали все, наши и не наши, здоровались, останавливали и поздравляли. Фрол Щегал был бы в восторге, памятник был очень похож на Маринку, точнее, Маринка была похожа на свой памятник. Идет она счастливая к своему рабочему месту и видит на стене, прямо над ее столом, напечатанный на принтере плакат, примерно два метра длиной. На плакате на одном конце фотография Пальча со сладкой улыбкой на устах и руками, распахнутыми как для объятий, а на другом фотография Марины с полузакрытыми глазами и вытянутыми в трубочку, как для поцелуя, губами. На ней знаменитая розовая кофта с рюшами и бархатная ленточка с котом. В середине сверху фотография памятника. Между фотографиями напечатано: «Я памятник ТЕБЕ воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа». Народ в офисе как бы прилежно трудился, и все ждали, какова будет реакция Маринки, но она мало чем их порадовала. Маринка покритиковала качество фотографий, сказала, что плакат придется снять, чтобы жена Пальча не увидела и не подумала Бог знает что. Потом громким голосом, четко выговаривая каждую букву, Маринка сказала, что Семенову повышения не видеть, как своих ушей, потому что она, Марина, сейчас пойдет к Пальчу вместе с плакатом и намекнет про жену и ее возможную реакцию. Семенов, который, как и все в офисе, прислушивался к тому, что происходило у переводчиков, тут же влетел в отдел слегка бледный и до жути злой, и прямо от порога завопил, что он к этому плакату не имеет никакого отношения и нечестно делать его «козлом отпущения». В общем, Маринка ему поверила и сейчас носом роет, чтобы узнать, кто этот плакат напечатал. А Пальч мне признался, что плакат напечатал он сам для смеха, не подумав о том, какова будет реакция Розочки, то есть жены, если она этот плакат увидит или даже просто о нем узнает.

Сашка рассказывал и в то же время поедая воздушный омлет из шести яиц со сладким перцем, заедая его поджаренным хлебом, запеченным с помидорами и сыром. Ему явно понравилось, и меня это почему-то радовало. После того как Сашка все доел и запил еду аж двумя кружками горячего, крепкого и сладкого чая, он размяк, откинулся на спинку стула и сказал:

– Кофе – это все-таки не то. Вот поел, чаю напился и в желудке благодать. Корми меня вкусно, Малинка-Мальвинка, и мое сердце всегда будет принадлежать только тебе.

– А причем здесь сердце? Здесь дело в желудке – а зачем мне твой желудок?

– Значит, тебе мое сердце нужно? – неожиданно серьезно спросил Сашка и посмотрел на меня исподлобья.

Смотрел он как бы с любопытством, но без особого интереса. Мне это сразу напомнило нашу биологичку в школе. Она так смотрела на очередную лягушку, которую собиралась препарировать. За двадцать лет работы в школе она их столько напрепарировала, что никаких ощущений уже не испытывала, кроме небольшого любопытства, а вдруг эта лягушка не такая,

как другие. Как только я вспомнила про биологичку с лягушками, так тут же разозлилась на Никитина. Маринка говорила, что у него баб полно. Он их тоже, наверное, как лягушек изучал. Вскроет, рефлекс проверит, посмотрит, как лапки дергаются, и выбрасывает за ненадобностью. Так что я на его вопрос про сердце ответила так:

– Саш, ну что ты, честное слово, ерунду несешь, за фигом мне твое сердце. Ну сделала я глупость, спросила тебя из женского любопытства, любишь ли ты меня, и ты честно ответил, что нет, не любишь, правда потом понес про какие-то руки и ноги, ну я и успокоилась. Я ведь тебя не люблю и влюбляться в тебя не планирую, но мне просто не хотелось делать тебе больно своим равнодушием к твоим чувствам, если бы ты меня любил. И вообще я...

– Значит, не любишь и любить не планируешь... это очень хорошо, – перебил меня Сашка.

И опять этот взгляд исподлобья, тяжелый, неприятный и даже как бы угрожающий. Поднялся со стула и тягуче проговорил:

– Спасибо, Малинка, накормила, напоила, душу успокоила. Пойду я, завтра в офисе увидимся. Если что, телефон мой знаешь, так что звони.

– Подожди, ты же мне про Игоря не рассказал, как он там?

– Соня приедет и все тебе расскажет. Все, все, мне пора. Пока!

Он снова полоснул меня своим взглядом и ушел. Я стояла, мыла грязную посуду и думала: может я идиотка или, как говорят англичане, – «mentally challenged»? Ну ведь дураку видно, что Никитин не для меня, ну тогда почему меня к нему так тянет, почему мне хочется произвести на него впечатление, почему меня мучает такое сильное желание узнать про него все: как обнимает, когда любит, как целует, когда любит, как дышит, как движется, когда занимается любовью. И почему мне хочется снова ощутить его поцелуи, жалищие и болезненные, как укусы, как прикосновения раскаленного клейма.

Однажды мне рассказали старый анекдот. «Вопрос: В чем сходство между женщиной и мухой? Ответ: И тех, и других тянет на дерьмо». Я тогда обиделась, а потом подумала и согласилась с ответом, правда – частично согласилась. Нас не «дерьмовость» привлекает, а необычность, не повседневная рутина, а непредсказуемость. Мы хотим красивой сказки, где от нашей любви чудовище превращается в прекрасного принца. И часто идем на риск, полюбив чудовище в надежде увидеть чудесную метаморфозу. К сожалению, риск этот очень редко оправдывается. Мне в этом смысле всегда везло: в чудовищ я не влюблялась, да и они меня не особенно жаловали. Я перемыла посуду, убралась на кухне, полежала в ванне с любимыми эфирными маслами, от которых кожа становится мягкой и атласной, и потом весь день или ночь пахнет тонко и нежно. Хотела подремать в любимом кресле или почитать книжку, но тут позвонила Маринка, сказала, что уже стоит у моей двери, и я пошла открывать. Маринка влетела в коридор, злая и растрепанная, с бумажными пакетами в руках. Проскакала на своих каблучицах на кухню, плюхнула пакеты на плиту, подошла к холодильнику, вытащила маленькую бутылочку с минералкой, открутила крышку и начала пить шумными глотками. Я растерянно за ней наблюдала. Явно она не в себе, но ведь не из-за плаката же, – так что там произошло?

– Я твоего Никитина почти убила сегодня, и жаль, что не убила до конца, но шрам на память от меня носить будет. Сволочь такая, вот уж не думала никогда, что он так со мной будет обращаться.

– Господи, Марин, ты меня не пугай, просто скажи, что произошло. Мне на сегодня стрессов хватит, а с Никитиным у нас теперь полная ясность: он меня не любит, и я его не люблю, и мы разошлись, как в море корабли.

– Серафима, радость ты моя, неужто кровь прабабки-староверки в тебе проснулась, и ты отринула дьявола-искусителя подальше от своей невинной душеньки? Ну ты меня порадовала. Ладно, добивать Никитина не буду, пожалею даже, раз такое дело. Теперь понятно, почему он бесился. Так, доставай бокалы, мой фрукты, а я вино откроею. Надо это отпраздновать.

– Марин, ты можешь просто рассказать, что случилось? У меня уже мозги перестают соображать, то Никитин выступает, то ты вопишь.

– Серафима, давай сначала выпьем за мое чудесное спасение... вот так оно лучше. Рассказываю, раз просишь. Ну значит, скрутила я плакатик в трубочку, про плакатик потом расскажу, положила его в сумку, хотела в буфет сходить и чайку попить, ну и плакатом похвалиться, конечно, и тут Ленка Синицина просит, чтобы я налила воды в кувшин из кулера цветы полить, сама не может, ждет важного звонка. А мне что, жалко? Беру кувшин, выхожу в коридор и спокойно иду к кулеру, и тут вижу Никитина. Несется по коридору, морда красная, коньяком и мятой от него разит на километр. Это он мятные леденцы сосал, чтобы коньячный дух отбить, но видно много выпил или мало леденцов сгрыз. Воняло просто жутко. Значит, налетает Никитин на меня, хватает за плечи и давай меня трясти во все стороны, а сам шипит: «Что ты про меня Серафиме насвистела? Я тебе сейчас второй памятник поставлю... на кладбище»... Я испугалась, он вон какой, а я вон какая, ну я с испуга кувшином его по лбу, а кувшин тяжелый, керамический. Сама понимаешь, Сашка глазки завел к небу и по стенке на пол съехал, а на лбу кровь, и кувшин вдребезги. Егор Палыч примчался, медсестра прибежала, народ собрался, спрашивают, за что я его, а я говорю, что нечаянно получилось, Никитин пошутить хотел, а я испугалась и звезданула его кувшином. А тут Сашка очнулся и лепечет: «Оставьте ее, она не хотела, случайно получилось». А Егор Палыч мне шепчет, чтобы шла домой отдыхать, потому что явно у меня стресс, а он тут сам разберется. Проблема в том, Серафима, что девчонки видели, как Сашка меня тряс, у меня ноги в воздухе болтались и, наверное, все мозги в синяках, какая уж тут случайность, слухи теперь пойдут, как пить дать. Слушай, давай еще бутылку откроем, надо расслабиться!

– Боже мой, Марин, а вдруг у него сотрясение мозга? Может, мне позвонить и узнать, как он там сейчас?

– Да брось ты, какое сотрясение, шишку я ему набила, это точно. Слушай, Серафима, а ведь он на тебе «подорвался», как говорил один бывший сапер моему папаше про свою жену. Он говорил: «Виталя, сколько я их разминировал, не перечить, сам понимаешь, а на Вальке подорвался, и все, капец котенку». Так что звонить Никитину не надо, не фига его радовать.

Звонить никуда не пришлось. Позвонил сам Никитин Маринке с извинениями, наверное, Егор Палыч заставил. Долго нес какую-то белиберду, Маринка пила вино мелкими глоточками и слушала, злорадно улыбаясь. Наконец, Сашка устал и спросил прямо:

– Марин, ты меня прощаешь или нет?

– Да куда деваться, Саша, прощаю, конечно. Серафима вон спрашивает, есть у тебя сотрясение мозга или шишкой обошлось?

– Ты где? Ты у Ангелочка? Ты ей все рассказала? Ну и стерва ты, Марина. Не ожидал от тебя такого. Мстишь ты мне, что ли?

– Сашенька, если бы у меня было желание тебе отомстить, я бы вышла за тебя замуж. А так я просто Серафиму предупредила, ведь ты у нас сложный мальчик. Зачем же ей плакать по ночам, лучше ты поплачь.

Маринка вырубила телефон, посмотрела на меня и сказала усталым голосом:

– Ты его не жалея, потому что он тебя жалеть не будет, если что. И вообще, найди ты себе приличного парня и выходи замуж, пока Сашка не поломал твою жизнь. Ему это раз плюнуть, ты уж мне поверь. Пойду я, Серафима. Устала я от таких страстей. Соньке привет передавай, она после работы к тебе забежит, конечно.

Маринка ушла, а я сидела и думала о своей любовной жизни, которая ну никак не впечатляла, даже у Соньки она была богаче и интересней. В меня влюблялись, и бывало, что и замуж звали, но у меня самой никак не получалось влюбиться. Нет, интимные отношения были, и даже иногда довольно приятные, но в основном, скучные до невозможности, как по трафарету – вино, конфеты, цветы, свечи, постель, поцелуи, пятиминутный марафон, его стоны, мои

вскрики, один и тот же вопрос: «Тебе было хорошо?», один и тот же ответ: «Да, очень», и тихий зевок в подушку, потом душ и спать. Ну никак это нельзя сравнить с моими эротическими фантазиями, в которых присутствовал Сашка. Конечно, сны – всего лишь работа моего воображения, но если бы они были явью, была бы я счастлива? Ладно, нужно подремать немножко, скоро Сонька с работы придет, столько друг другу рассказать надо будет.

Глава 12

Подремать у меня никак не получалось. Из головы не уходил Маринкин рассказ, ее предупреждение, все события последних дней, беспокойство за Никитина и странное ощущение, что теперь, что бы я ни делала, все бесполезно, потому что мотор включен и фильм снимается. Ну и ладно, ну и пусть, чего теперь бояться, я ведь уже не смогу ничего изменить. От этого «не смогу» на меня накатывал страх, и я крутилась с боку на бок и не знала, как избавиться от этого чувства обреченности. Кота что ли завести? Сейчас лежал бы рядом, мурлыкал и грел бы меня своим теплым пушистым боком, а я бы его гладила, и не лезли бы мне в голову лишние ненужные мысли.

Так я промучилась еще часа полтора, а потом прискакала Сонька – самый близкий, самый дорогой мне человек после отца и Митьки. С мамой, после того, как она нас бросила и уехала в Мурманск с Сонькиным отцом, отношения у меня не складывались. Она редко писала, еще реже звонила, и если звонила, то разговор был очень недолгим и разговаривали мы как чужие друг другу люди. Кажется, она была счастлива в новом браке, ну и слава Богу. Отец, когда мы говорили о маме, всегда ее оправдывал, но однажды она забыла про мой день рождения, совсем забыла, и отец с горечью в голосе и отведя глаза в сторону, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.